

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

КУРДСКИЙ ВОПРОС
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ
(круглый стол 19.02.2004 г.)

Москва 2004

Научное издание

Курдский вопрос на рубеже тысячелетий

(круглый стол 19.02.2004 г.)

М., 2004, 13??? стр.

ISBN 5-89394-116-0

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения Института.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISBN 5-89394-116-0

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

**КУРДСКИЙ ВОПРОС
В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
(Постановка вопроса)**

Курдский вопрос как проблема политического самоопределения курдского народа в государствах Ближнего Востока (Юго-Западной Азии) и в системе международных отношений в этом регионе существует не менее двух последних столетий. За это время он претерпел ряд существенных изменений. Первопричиной его появления на исторической сцене стала освободительная борьба курдов, разделенных с начала XVI в. между Османской империей и Ираном и населявших ряд сопредельных феодальных княжеств по обе стороны турецко-иранской государственной границы. Курдское движение, возникшее на рубеже XVIII–XIX вв. и носившее поначалу феодально-сепаратистский характер, приобрело геополитический аспект, главным образом, как внутривосточная проблема клонившихся к упадку Османской Турции и Каджарского Ирана и как важнейший фактор перманентного обострения турецко-иранских отношений. Экспансия на Ближний Восток царской России и западных колониальных держав (в первую очередь Англии, а позже также и Франции, и Германии) обнаружила именно возраставший геополитический интерес этих конкурировавших между собой держав к Курдистану, занимавшему центральное стратегическое положение в регионе.

К началу XX в. появился новый фактор, воздействовавший на геополитическую ситуацию в курдском регионе Ближнего Востока. Это – курдский национализм, главной политической целью которого было объединение разрозненных курдских земель и создание единого централизованного государства. Именно этот фактор стал в будущем играть решающую роль в курдском вопросе. Он же широко использовался великими державами в борьбе за завоевание доминирующих стратегических и экономических позиций на ближневосточной арене.

После Первой мировой войны геополитическая ситуация в курдском регионе существенно изменилась. Государственная разделенность Курдистана удвоилась. На географических картах появились Иракский (Южный) и Сирийский (Юго-Западный) Курдистан; первый очутился под британским, второй – под французским игом, установленным в Ираке и Сирии в обличье мандатных режимов. Однако сами курды отнюдь не соглашались смириться с новым разделом своей исторической родины, осуществленным державами Антанты, которые грубо нарушили данное при послевоенном мирном урегулировании обещание (по Севрскому договору от 10 августа 1920 г.) дать курдам Османской империи (но не Ирана и арабских стран) автономию или даже независимость. Циничный отказ Англии и Франции от Севра, подтвержденный Лозаннским договором между Турцией и державами Антанты от 24 июля 1923 г., вызвал огромное возмущение курдского народа, дал мощный стимул курдскому национализму, проявившему себя в серии курдских восстаний, прокатившихся по всему Курдистану в 20–30-х годах XX в. и руководимых курдскими харизматическими вождями (шейхом Саидом, шейхом Махмудом Барзанджи, Ахмедом Барзани, Исмаилом-ага Симко, националистической элитой из организации «Хойбун» и др.). Все эти восстания потерпели поражение, проявив свою военную и политическую слабость и несостоятельность перед лицом намного превосходившими их в этом отношении противниками на Востоке и на Западе.

Всемирно-исторические изменения, произошедшие на мировой арене во время и после Второй мировой войны, разумеется, не прошли мимо курдов и Курдистана. Процесс деколонизации, охвативший все континенты, не миновал и Юго-Западной Азии, курдское национальное движение вступило на путь революционно-демократической борьбы. В Иранском (Восточном) Курдистане, где наиболее сильно проявлялось советское влияние, даже забрезжила заря курдской независимости; в 1946 г., почти год, на части его территории фактически существовала курдская республика со столицей в Мехабаде. Однако уже в который раз в истории обстоятельства обернулись против курдов. Иранский Курдистан стал первой ареной холодной войны, что помешало Советскому Союзу оказать курдам действенную помощь.

В дальнейшем состояние курдского вопроса в раскладе противоборства мировых политических сил зависело от перипетий холодной войны как непосредственно в регионе прожи-

вания курдов, так и на его периферии. Несомненно одно: этот вопрос становился не только одним из важных, но и постоянных факторов, влияющих на международные отношения на Ближнем Востоке. Поддержка или противодействие национальному движению курдов рассматривались в прямой зависимости от приоритетных задач, которые в конкретных обстоятельствах и в определенное время преследовались заинтересованными державами.

Роль курдского вопроса в ближневосточной геополитике особенно возросла со второй половины 50-х годов, когда на почве обострения арабо-израильского конфликта резко активизировался арабский национализм в его экстремистских формах (насеризм и, особенно, баасизм). Последний пришел к власти в Ираке и Сирии, что вызвало резкое сопротивление курдского меньшинства в этих странах, главным образом, в Ираке. Там вспыхнуло самое продолжительное в прошлом столетии курдское восстание (с 1961 г. по 1975 г.) под руководством выдающегося курдского лидера Мустафы Барзани. Оно было подавлено, но курдское противостояние в стране, несмотря на жесточайшие репрессии со стороны террористического режима Саддама Хусейна, продолжалось. В конце концов, иракские курды воспользовались поражением режима Саддама Хусейна в кувейтской аванюре (операция «Буря в пустыне», санкционированная ООН и осуществленная, главным образом, вооруженными силами США) и в 1992 г. добились фактической автономии большей части Иракского (Южного), как политической, так и экономической. Это была историческая победа курдского национально-освободительного движения, важнейший этап в многовековой борьбе курдского народа за свободу и независимость.

Столь знаменательный сдвиг в положении иракских курдов стал действенным стимулом к подъему курдского национального движения в других частях этнического Курдистана. Его первые признаки возникли еще в 60-е годы, а в 70–80-е уже можно с уверенностью говорить о повсеместных выступлениях курдов во всех государствах, разделивших Курдистан. Одна за другой возникали курдские партии и другие общественно-политические организации, как правило левоориентированные, начались уличные демонстрации и манифестации: в Иране в первые месяцы после «Исламской революции» 1979 г. произошли вооруженные столкновения курдов с полувоенными

формированиями религиозных фанатиков, а в Турции в середине 80-х годов началось повстанческое движение, организованное и руководимое экстремистской «Рабочей партией Курдистана» (курдская аббревиатура PKK), исповедующей марксизм маоистско-кастровского толка. Короче говоря, весь Курдистан превращался в арену острой политической борьбы, для которой в то же время был характерен безбрежный идейно-политический плюрализм, подрывающий ее эффективность. Только в Южном Курдистане была создана организованная и дееспособная политическая структура в лице двух союзных правящих партий – Демократической партии Курдистана (ДПК), созданной еще Мустафой Барзани и руководимой ныне его сыном Масудом Барзани, и Патриотического союза Курдистана (ПСК) во главе с Джалалем Талабани. Поэтому именно Южному Курдистану ныне суждено было стать общекурдской колыбелью независимости.

Вообще говоря, выдвижение Иракского Курдистана на авансцену современной курдской истории было не случайным, хотя по своей территории и населению он значительно уступал турецкой и иранской частям курдского региона Ближнего Востока и превосходил только сирийскую. В политическом, социально-экономическом и культурном отношении Южный Курдистан уже после Первой мировой войны развивался более быстрыми темпами в сравнении с другими частями курдского региона. Тому парадоксально благоприятствовал мандатный режим, по методам правления колониальный, но заинтересованный в частичной модернизации страны. Кроме того, британские и французские власти в целях укрепления своих позиций в подмандатных странах, не прочь были сыграть на противопоставлении арабов курдам, что часто использовалось националистическим руководством и тех, и других. Словом, к концу прошлого столетия курды Ирака (и в меньшей степени Сирии), в сравнении с курдами других регионов, накопили наибольший позитивный опыт политической (в том числе и вооруженной) борьбы. Именно они показали готовность эффективно воспринять и использовать новую геополитическую реальность, возникшую в глобальном и региональном (ближневосточном) измерении.

Глобальные изменения, произошедшие на мировой арене в последнем десятилетии после крушения Советского Союза, совпали с нарастанием кризисных явлений во всей Юго-

Западной Азии в том числе в ее курдском регионе. Курдский вопрос оказался в самом центре событий, начавшихся еще в 70-х годах и создавших своеобразную «дугу нестабильности» на всем пространстве от Стамбула до Кабула, причем непрерывные волнения в Курдистане всегда были или одним из факторов, или составной частью такой постоянно напряженной ситуации в ближневосточном регионе. Так было во время кровопролитной ирако-иранской войны 1980–1988 гг., кувейтского кризиса 1990–1991 г., кровавых усмирений курдских восстаний и террористических акций против мирного курдского населения (химическая атака с воздуха на Халабджу и другие курдские селения, март 1991 г., беспощадное подавление правительственными войсками восставших курдов весной 1991 г. – так называемая операция «Анфаль»).

Геополитическое положение Южного Курдистана существенно изменилось с 1992 г., когда на территории Курдского автономного района Ирака (КАР), формально существовавшего с 1974 г., как говорилось, реально установилась курдская национальная власть, представленная правившими на паритетных началах ДПК и ПСК. То была юридически неполноценная автономия, поскольку она не имела ни внутренней, ни внешней легитимации. Кроме того, в Курдский автономный район не входил богатый нефтью округ Киркука, исторически всегда считавшийся центром Южного Курдистана, и некоторые другие районы, населенные курдами. Тем не менее, именно КАР впервые в нашу эпоху стал землей, в которой курды могли считать себя хозяевами, действительно свободными людьми.

С тех пор прошло почти 12 лет. За это время граждане «Свободного Курдистана», как они называли КАР, прошли свой путь независимого развития, который нельзя назвать легким. Междоусобие, в которое втянулись ДПК и ПСК в середине 90-х годов, поставило «Свободный Курдистан» на грань внутреннего развала и было преодолено с большим трудом. Но оно же послужило иракским курдам благодетельным уроком насчет необходимости скорейшего и коренного избавления от дурных традиций извечного курдского партикуляризма, наследия феодального прошлого. Как бы то ни было, «Свободный Курдистан» выстоял и встретил во всеоружии новые испытания, которые выпали на его долю в первые годы нового тысячелетия. И ему это удалось, поскольку курдская автономия в Ираке к этому времени превратилась в самодовлеющий политический

и военный фактор, с которым вынуждены теперь считаться все игроки на ближневосточной шахматной доске.

На первый взгляд кажется, что курдский вопрос не имеет прямого отношения к нынешнему иракскому кризису, развязанному США при активной поддержке Англии в рамках глобальной антитеррористической кампании в Ираке, нацеленной на свержение режима Саддама Хусейна как безусловно агрессивного и террористического. Ведь с курдской автономией в самом Ираке, пользующейся финансовой и политической поддержкой США и других стран Запада (главным образом через механизм ООН) Багдад вынужден был смириться, а сами иракские курды, получавшие гарантированный долларовой доход по программе «нефть в обмен на продовольствие», предпочитали до времени сохранять статус-кво. В Турецком Курдистане после захвата Оджалана в феврале 1999 г. положение частично стабилизировалось, иранские и сирийские курды также особой активности не проявляли.

На самом деле, американо-английская интервенция в Ираке, которой сейчас пытаются придать международный характер, чревата новым обострением курдского вопроса, и не только в Ираке, но и в других странах. Эта возможность исходит, во-первых, из самой его геополитической сущности как проблемы многоцелевой, так сказать, многоканальной, затрагивающей интересы одновременно многих стран, народов и общественных групп. Во-вторых, если непосредственный исход войны, ввиду очевидного неравенства, сил оказался вполне предсказуем, то ее последствия, особенно отдаленные, видимо, будут далеки от ожидаемых.

Из ближайших непредсказуемых последствий интервенции на первое место следует поставить ее неприятие большинством союзников США и Англии, возмущенных никуда не годной мотивацией насильственных действий Вашингтона и идущего за ним Лондона против режима Саддама Хусейна, каким бы он ни был одиозным. Об отрицательной реакции других стран нечего и говорить. Да и в самих странах – организаторах и главных участниках этой войны ее критиков хватает. Попытки на ходу исправить пропагандистские просчеты, привлечь новые аргументы и т.п. больших результатов не дают. Главной причиной недовольства со стороны друзей интервентов и вообще лояльно относящихся к ним государств являются не грубое нарушения англо-американцами международного права, устава

ООН, бесцеремонное применение ими пресловутых двойных стандартов и т.д., а прагматические опасения катастрофической дестабилизации всей геополитической, геостратегической и геоэкономической обстановки в одном из самых уязвимых и конфликтогенных регионов планеты, что сулит выгоду разве что самим интервентам, но грозит нанести серьезный ущерб многим заинтересованным странам. События в оккупированном Ираке и вокруг него за истекшее после марта 2003 г. время, когда в открытой форме начался кризис, показывают, что эти опасения оказались небезосновательными, хотя до настоящей катастрофы дело, может быть, не дойдет.

Вторжение американцев и англичан в Ирак не только вызвало острую реакцию со стороны местных пробаасистски настроенных арабских националистов и исламских экстремистов (как шиитов, так и суннитов), которую можно было бы ожидать. В арабской части страны повсеместно началось партизанское движение и террористические вылазки, особенно в «суннитском треугольнике» Багдад – Тикрит – Фаллуджа. Заметно усилились протестные настроения среди доселе спокойных шиитов на юге страны и в районе Багдада. Интервенты ежедневно несут потери. Усиливается недовольство политикой Запада в других арабских и исламских странах, особенно при заведомо тупиковой ситуации в палестинском конфликте. На этом неприглядном для США и их ближайших союзников фоне вновь вырастают актуальность и удельный вес курдского вопроса.

Планируя вооруженное вмешательство в Ираке с целью свержения режима Саддама Хусейна как оплота терроризма и агрессии на Ближнем Востоке и главное препятствие для распространения и укрепления американского влияния в регионе, Вашингтон, казалось, мог быть спокоен за курдский тыл в стране, где ему удалось установить прочные связи с руководством местных правящих курдских партий ДПК и ПСК. Курды получили заверения на самом высшем уровне в безусловной политической и экономической поддержке. Поэтому в ожидании грядущего поражения Саддама курды чувствовали себя спокойно и уверенно, полагая, что планируемый блицкриг обойдет их стороной, и им останется только позаботиться о получении достойного и желаемого им статуса (признаваемого международным сообществом) полностью автономной и самостоятельной в своих внутренних делах провинции Ирака.

Блицкриг действительно состоялся, почти вся военно-фашистская верхушка партии Баас во главе с Саддамом была изолирована, но до коренного переустройства иракского государства на демократических началах, включая приемлемое для курдов решение их национального вопроса, еще далеко. Администрация и парламент КАР выдвинули свой предварительный план реформ государственного строя Ирака, который предусматривает разные варианты создания федеративного государства с обязательным включением в него всего курдского региона, воссоединенного с Киркукским округом и некоторыми другими населенными курдами районами; исконный курдский город Киркук, как считают они, должен стать официальной столицей Южного Курдистана.

Сейчас Ирак переживает переходный период, сопровождаемый волнениями, смутами, насилиями, террористическими акциями. В стране отсутствует обстановка для созидательной работы, в том числе и в области национальных отношений. Оккупационные власти действуют, скорее, по обстоятельствам, ситуационно, чем по четкой, а, главное, реалистичной программе. Ставка на курдов вряд ли для них приоритетна. Арабов все же в 3–4 раза больше, и это имеет решающее значение. Влиятельные круги среди арабов, как шиитов, так и суннитов, пока не склонны идти навстречу требованиям курдов. Тюркское меньшинство в Киркукском округе, так называемые туркоманы (туркмены), ориентируются на Турцию, а та проводит среди них подневную работу.

Вообще, Турция и Иран (особенно Турция, где сохраняется напряженность в курдских провинциях) крайне болезненно реагируют на нынешнюю политическую активизацию иракских курдов и шантажируют американцев курдской «опасностью». И с этим также вынуждены считаться американцы, основательно завязшие в Ираке, в том числе и в курдских делах.

Короче говоря, в текущих обстоятельствах иракские курды находятся на перепутье. У них в активе только относительно стабильная ситуация в «Свободном Курдистане», хотя и нарушаемая в последнее время отдельными акциями террора, демонстрирующего реальные достижения 12 лет независимого развития, поддержка и помощь США и немногих других западных государств, ООН, да и больше платоническое (по необходимости) сочувствие своих прежних друзей (например, России), а также демократически настроенной общественности в

разных странах; в остальном они находятся во враждебном окружении. Тем более, для них актуально выбрать правильные ориентиры, определить стратегию и тактику дальнейшей борьбы за самоопределение. Они должны твердо и наглядно продемонстрировать всему миру свою непреклонную решимость следовать по избранному пути независимого развития.

КУРДСКИЙ ФАКТОР
(Современное состояние и перспективы)

Курдская национальная проблема, в известной степени, уникальна по своему характеру, ибо лишь в общих чертах она сравнима с другими национальными проблемами.

Специфические особенности курдской проблемы настолько весомы, что воздвигают труднопреодолимые преграды и сложности на пути достижения ее целей. Начать с того, что достижение целей курдского национального движения серьезнейшим образом осложняется из-за фактора разделенности. Важно заметить, что речь идет о ее худшем варианте, когда народ и страна разделены между четырьмя государствами. Поскольку курды, в целом, сформировавшийся этнос с историческими, этнокультурными и другими самобытными чертами национальной идентичности к тому же с богатейшими традициями национальной борьбы, любое их освободительное выступление соседними государствами рассматривается как борьба единого народа. По этой причине, несмотря на то, что во всех частях разделенного Курдистана участники национальной борьбы выдвигают задачу не создания независимого государства, а достижение автономных прав, реакция и действия соседних государств против них носят серьезный и масштабный характер. При этом степень активности в этой антикурдской борьбе адекватна той роли, которую курдский фактор имеет или будет иметь в политической жизни данного государства. Сказанное объясняет традиционно ведущую роль, прежде всего, Турции в объединении усилий против курдского национального движения.

Другой фактор, лежащий в основе специфики курдской проблемы, – ведение освободительной борьбы против своих единоверцев в регионе, где ислам имеет господствующее положение, а один из его основных постулатов – мусульманская «умма» ставит исламский фактор выше национального (в дан-

ном случае, курдского). Имеющее долгую историю, это явление, тем не менее, в последние годы претерпевает некоторые изменения. В условиях резкой активизации исламского радикализма демократический характер курдской национальной борьбы и преследуемые ею цели, по существу, конфронтуют с идеями и программными задачами исламизма. Это непростое явление влечет за собой два противоположных последствия: с одной стороны, оно довольно заметно и активно превращает исламский радикализм в фактор (наряду с другими), противостоящий процессу освободительной борьбы курдов, в конкретном случае – автономизации Южного Курдистана, с другой, – объективно стимулирует процесс высвобождения курдских масс из-под влияния исламизма как сдерживающего фактора их борьбы. Этот интересный процесс по ряду причин пока не получил широкого развития. Тем не менее, трудно переоценить значимость этого важного процесса. И без того довольно заметные корпоративная и регулятивная функции ислама, ныне подкрепляемые еще и огромными финансовыми вливаниями со стороны исламских фундаменталистских организаций, продолжают играть не последнюю роль в насаждении идеи общности интересов мусульман, призывая курдов отказаться от борьбы против своих единоверцев. Таким образом, религиозный фактор, в случае с курдским освободительным движением, не играет той роли, которая имела место, например, в освободительной борьбе христиан-греков, армян, балканских народов против Османской империи или в борьбе угнетенных народов, исповедующих ислам, против европейских колониальных держав.

Наконец, в отличие почти от всех национально-освободительных движений, курдская национальная борьба не получала последовательной, возведенной до уровня официальной государственной политики, поддержки государства или группы государств (как когда-то борьба балканских и арабских народов против османского ига), что было важнейшим, часто решающим, фактором избавления угнетенных народов от чужеземного гнета.

Затрагивающий интересы многомиллионного народа курдский фактор почти всегда присутствовал в значительных по масштабам политических процессах ближне- и средневосточного региона. Однако, его актуализация, возрастание его роли ныне имеют беспрецедентный характер, что является резуль-

татом общего подъема курдского национального движения. Стержневой момент этого явления-политические процессы в Южном (Иракском) Курдистане со следующими взаимосвязанными событиями:

а) стремление курдов использовать появившиеся шансы для реализации полноценной автономии (по условиям Соглашения 1970 г. между курдами и Багдадом) взамен урезанной и навязанной баасистами автономии по Закону № 33 от 11 марта 1974 г.

б) успехи и достижения курдского освобожденного анклава в социально-экономических и политических областях (демократические свободы, создание основ гражданского общества, подъем благосостояния народа), которые в значительной степени повысили значимость курдского фактора.

И, наконец, выражение плана федеративного государственного устройства Ирака как формы решения курдского вопроса.

Исходя из ведущей роли Южного Курдистана в актуализации курдской проблемы на современном этапе, необходимо остановиться на нескольких ключевых моментах этого вопроса. Прежде всего, следует подчеркнуть, что, вопреки распространенным в последние годы мнениям, обострение и актуализация курдского вопроса в Ираке не являются только лишь результатом присутствия США и государств антисаддамовской коалиции в регионе. Напомним, что до кувейтской авантюры саддамовского режима США и их союзники не только в какой-либо форме не поддерживали уже тогда принявшую серьезный характер борьбу курдских автономистов, но, в ряде случаев, находились в противоположном лагере. Курдское автономистское движение, берущее начало в 60-х годах, является продолжением длительной освободительной борьбы, его основные цели и характер остаются неизменными. Что касается форм и методов этой борьбы, новой расстановки политических сил, союзнических связей с силами региона и западных стран, то здесь мы имеем тот механизм и формы взаимодействия сторон, которые характерны для всех событий аналогичного характера.

В настоящее время курдский фактор приобрел важнейшее значение в процессах ближне- и средневосточного региона. Если учесть, что, как правило, судьба и перспективы любого нерешенного национального вопроса зависят от степени его

продвинутой в стране, где имеет место этот конфликт, и его интернационализации, то у курдской проблемы в Ираке имеется и то, и другое. В отличие от других частей Курдистана, в Южном Курдистане на нынешнем этапе борьба ведется не вокруг признания курдов как отдельного народа, требующего признания своих национальных прав, а вокруг формы, структуры юридически признанного правящим режимом автономного статуса. Важная специфика нынешнего этапа борьбы курдов здесь заключается в том, что она направлена не на приобретение автономных прав, а на легитимацию всего того, что ими уже приобретено. Что касается отношения международных сил к проблеме автономии курдов в Ираке, то здесь заметно отличаются позиции великих держав и целого ряда стран западного мира, с одной стороны, и стран мусульманского Востока, с другой.

Совершенно очевидно, что на современном этапе курдское национальное движение, в частности, его авангард – Южный Курдистан вышли из прошлой «изоляции» и имеют известное моральное и политическое признание со стороны стран Запада, в какой-то степени и России. Однако практика и тенденция отведения курдской проблеме лишь функциональной роли все еще дают о себе знать и чреваты опасностями. Например, ряд европейских стран – Франция, Германия, Россия и другие в целом поддерживают требования курдов самоопределился в пределах федеративного иракского государства. В то же время, при решении политических и экономических вопросов со странами, разделившими Курдистан, эта позиция ограничивается их государственными интересами. Для курдов все еще проблематичен вопрос их национального движения в американо-российских отношениях. Нельзя не заметить, что отношения этих держав по курдской проблеме часто определялись не ее характером, правомерностью преследуемых курдами задач, а тем, в какой степени данный уровень ее остроты и результаты отвечают их интересам в регионе. В 60–70-е годы, при негативном отношении США и их союзников к курдскому автономистскому движению, оно поддерживалась Советским Союзом. А с начала 90-х годов роль поддержки курдского движения в Ираке выполняют США и их союзники.

Вопрос о российской политике по курдскому вопросу нуждается в отдельном обсуждении. Следует отметить только, что в России отношение к курдскому фактору не отражает нынеш-

нее его состояние и нуждается в пересмотре с учетом ряда новых реалий. Из ряда благоприятных оснований для развития взаимовыгодных российско-курдских отношений отметим демократический характер курдского национального движения, его реалистические, умеренные задачи, решение которых обеспечит стабильность у южных границ России, в регионе ее геополитических интересов. Кроме того, многонациональная Россия обладает богатыми традициями федерализма, обеспечивающими условия развития для различных народов. Это дает ей морально-политическое преимущество для внесения своей лепты в решение курдского вопроса. Следует также учесть, что ныне, по известным причинам, Россия не в состоянии выполнить те функции в регионе и по курдам, которые выполняют США и союзники. В то же время не вызывает сомнения, что любой прогресс и результаты на пути урегулирования курдского вопроса не могут стать предметом монопольного использования со стороны только лишь США и их союзников.

Происходящие в последнее десятилетие события дают основания полагать, что действия США по курдскому вопросу претерпевают изменения и, вероятно, выходят за рамки отведения курдскому фактору лишь функциональной роли. Реализация в духе этой американской политики ряда мер свидетельствует о тенденции долгосрочного характера этого курса. Привлекают внимание, в связи с этим, вопросы, связанные с преодолением коммуникационной блокады Южного Курдистана. Очевидно, что уже находящееся на стадии завершения строительство двух аэропортов – международного в Эрбиле и внутреннего в Сулеймании – являются серьезным шагом в налаживании воздушного коридора «свободного анклава» с внешним миром. К известным факторам отставания интересов великих держав в этом регионе прибавляются новые, в частности, стремление противостоять исламскому радикализму, давление на режимы, поддерживающие его.

Вероятно, традиционно отведенные место и роль Турции в регионе также подвержены некоторому изменению. Хорошо известно, что, имея давнюю традицию использования противоборств великих держав, Турция небезуспешно пользовалась конфронтацией времен «холодной войны» между двумя мировыми лагерями для получения широкой экономической, военно-политической поддержки стран НАТО и играла роль «главного союзника» на южном направлении этого блока. Ныне фак-

торы такой расстановки сил или исчезли, или видоизменились. Выражением этого явления считается, в частности, довольно явное негативное отношение западных стран-членов НАТО к Турции по ряду вопросов внутривнутриполитического и внешнеполитического характера (курдская проблема, вопрос о геноциде армян, кипрская проблема). Далее. Поводом для размышлений является современное внутривнутриполитическое положение и его перспективы в Турции. Уже дважды турецкий электорат в своем большинстве поддерживал представителей исламистов. Исламские террористические организации в Чечне и в других местах пользовались поддержкой со стороны турецких исламистов.

Все это происходит в условиях фактического возрастания роли курдского фактора в общей антитеррористической борьбе, которая занимает первостепенное место в политических акциях мирового сообщества. В США, во многих европейских странах, а также на Востоке представители курдов имеют контакты с лицами, представляющими высшую государственную власть, что является свидетельством значительного позитивного сдвига на пути признания права курдов на национальное самоопределение. Социалистический Интернационал, целый ряд членов которого являются правящими партиями, несколько раз принимал решения и выступал с заявлениями в поддержку справедливых целей курдского национального движения. Демократическая партия Иранского Курдистана уже давно член этой организации. Демократическая партия Курдистана (Ирак), Патриотический союз Курдистана поддерживают тесные связи с Социнтерном, участвуют в его работе. Вопрос о национальных правах курдов, особенно проблема автономного статуса Южного Курдистана, не раз становились предметом парламентских слушаний и обсуждения в Швеции, Италии, Греции, Испании, Бельгии, Норвегии и ряде других стран Европы. С поддержкой справедливой борьбы курдов и осуждением антикурдских террористических актов выступили глава римской католической церкви, ряд сенаторов США, парламентарии Англии и Франции. Достояна особого упоминания акция всемирно известного общественно-политического деятеля Нельсона Манделы. В его бытность президентом Южно-Африканской Республики турецкое правительство удостоило его премии имени Мустафы Кемал-Ататюрка, что, однако, кончилось международным скандалом. Нельсон Мандела публично отка-

зался от этой премии, мотивировав свой поступок жестоким попранием национальных прав курдов в Турции.

В целом, в западных странах поддержка борьбы курдов за национально-демократические права имеет довольно заметные масштабы, что является важным фактором определения политического курса по курдскому вопросу.

Отношение к проблеме автономии курдов имеет совершенно другой характер на мусульманском Востоке. Государства, разделившие Курдистан, открыто и безоговорочно выступают против любого позитивного сдвига на пути решения курдского вопроса. Не случайно, прорыв в этом направлении в Южном Курдистане является главным объектом их подрывной и военно-политической деятельности.

Одним из рычагов давления на политические процессы в Южном Курдистане для Анкары является туркоманское меньшинство. Находящиеся под влиянием турецких спецслужб и пантюкистской пропаганды туркоманы в духе антикурдской политики Турции постоянно выступали и выступают против курдского движения за автономию и нынешнего статуса курдского региона.

Для придания весомого характера туркоманскому фактору используются различные формы и методы. Особый упор делается на вопрос о численности туркоман в Ираке, в частности, в Иракском Курдистане. Турецкие официальные круги и средства массовой информации называют цифры о численности туркоман в Южном Курдистане, не имеющие никаких оснований. Вместо 300–350 тыс. – в 10 раз больше. Другой момент этой политики – отстаивать претензии к нефтеносному району Киркука, где проживает часть туркоман. Важно напомнить, что курдские национальные власти в автономном регионе предоставили туркоманскому меньшинству целый ряд прав, полностью отсутствующих при саддамовском режиме. Представители туркоман вовлечены в автономные органы власти, вплоть до должности министра.

Совершенно очевидно, что Турцию интересует не положение самих туркоман в автономном курдском регионе, а их использование в своих политических целях. Не случайно, антикурдская политика Анкары проводится, в основном, через пантюкистскую организацию «Туркменский фронт». Значительная часть туркоман же не разделяет эту политическую линию и сотрудничает с курдскими властями.

Анкара, решительно выступая против любой формы автономии курдов в Ираке, с другой стороны, требует автономные права также и для туркоман. Совершенно очевидно, что тем самым Анкара стремится реализовать в Южном Курдистане нечто вроде «кипрского» варианта действий в будущем.

Тегеран в своей политике по отношению к Южному Курдистану вместе с рядом действий, согласованных с Анкарой и Дамаском, в значительной степени делает ставку на «шиитский фактор» в Ираке. Ставится задача обеспечить постоянное давление на новые иракские госструктуры и, что еще важнее, воспрепятствовать процессу легитимации автономного статуса курдов в нынешнем виде. Резкие, порой неожиданные, изменения в шиитской позиции по курдскому вопросу, безусловно, инспирируются Ираном. Использование шиитского фактора иранским режимом ограничено определенными рамками.

Иракские шииты в немалой степени отстаивают интересы «арабизма». Кроме того, среди иракских шиитов немало тех, кто, наряду с арабами-суннитами и курдами, придерживаются концепции демократизации страны и решения курдского вопроса.

Недавний визит сирийского президента в Анкару и проявленное единодушие в вопросе недопущения реализации автономии курдов показывают, что, как и раньше, все разногласия и противоречия государств, разделивших Курдистан, при обсуждении и реализации антикурдских действий отходят на второй план. В основе политики этих государств по курдскому вопросу лежит принцип, в котором сила ставится выше права. Действия этой, по существу, антикурдской коалиции, к сожалению, не получают адекватного противодействия со стороны демократических стран Запада. Что касается мусульманского Востока, то, за редким исключением, здесь не только не поддерживают справедливые цели курдского движения, но и по ряду причин потворствуют антикурдским акциям. Национальная автономия или федеративная система – беспрецедентное явление на мусульманском Востоке, где есть масса нерешенных этнических вопросов разного уровня и развития. Это, а также в условиях подъема исламизма попытка решения национального вопроса вне рамок догматики ислама, воздвигают дополнительные трудности для борющихся курдов.

Процесс нормализации положения в Ираке и становления автономии курдов, как показывает жизнь, – не менее сложная

задача, чем свержение диктаторского режима Саддама Хусейна. Он связан с целым рядом факторов как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического характера. Принято считать, что автономия курдов является составной частью внутрииракского демократического процесса, его обустройства. Тем самым ее судьба ставится в зависимость от состояния вышеназванных процессов в Ираке. Такая постановка вопроса отражена и в известном лозунге курдского автономистского движения: «Демократия Ираку, автономия курдам». В теоретическом плане этот лозунг вполне логичен, ибо автономный статус недержавного народа в данном государстве считается проявлением демократизма. Совершенно очевидно, что иракские и иранские курды, выдвигая этот лозунг, тем самым подчеркивали свое стремление не отделиться, а добиться автономных прав в пределах данного государства.

Однако взаимосвязь и очередность автономии и общедемократических реформ в стране нуждаются в некоторой корректировке. Ибо курдское автономистское движение вряд ли способно стать решающим фактором демократизации всей страны. Выполнение этой задачи под силу всем общественно-политическим силам страны, вместе взятым. Процесс демократизации иракского общества и понимания правомерности демократических прав курдов требует времени. Бесспорно, что одним из важнейших условий успеха этого дела является необходимость изменения политического поведения иракцев. Ведь одно недовольство режимом Саддама и готовность избавиться от него автоматически не создают условия для торжества свободы и демократии, в том числе и в области национального вопроса.

Беда в том, что людей, длительное время находящихся в условиях жесткого диктаторского, тоталитарного режима, привыкших подчиняться диктату и беспрекословно выполнять приказы сверху, нелегко сориентировать в новых условиях и помочь проявить самостоятельную позицию в судьбоносных процессах обновления страны. В условиях более, чем 30-летнего безраздельного господства панарабистского шовинистического режима имела место баасизация всей общественно-политической жизни. Членство в партии Баас и беспрекословное выполнение ее установок являлись обязательным условием выживания в любой области. По своей сути, политика саддамовского режима была противоречивой. Жесткой рукой

обеспечивая единство страны, в действительности сам правящий режим раскалывал общество на привилегированных представителей правящего режима (в основном, сунниты) и ущемленных по ряду прав шиитов. И, наконец, жестоко подавленных в национальных правах курдов.

Из всего сказанного нетрудно заключить, что в настоящее время существует значительная разница между уровнем постдиктаторского курдского региона, его обновления и демократизации, с одной стороны, и остального Ирака, с другой. Это означает, что официальное признание, легимацию автономного Южного Курдистана нельзя (в известной степени невозможно) ставить в зависимость от демократизации всего Ирака. Прогресс на пути обновления в курдском регионе реально может стать одним из катализаторов процесса демократических преобразований во всем Ираке.

Развитие и судьба автономии курдов, главным образом, зависят от степени единства в этой борьбе. Процесс формирования и развития общекурдского национального самосознания достиг значительных успехов. На современном этапе любые значительные события, связанные с судьбой курдского народа, становятся предметом адекватной реакции национальных сил во всех частях Курдистана и курдской диаспоры. К сожалению, внутрикурдские распри и конфликты все еще не преодолены, что весьма негативно отражается на развитии национальной борьбы. Фактически остался неустребованным такой важнейший фактор, как одновременно действующие очаги национальной борьбы во всех частях Курдистана. Автономистская борьба курдов в Ираке серьезнейшим образом пострадала из-за расколов в руководстве движением. В настоящее время Демократическая партия Курдистана и Патриотический союз Курдистана преодолели прежние противостояния и действуют в едином фронте. Однако процесс создания единых властных структур парламента и правительства идет медленно. В зарубежных странах Востока и Запада автономный курдский регион представлен не единым представительством, а двумя ведущими партиями – ДПК и ПСК. Следует заметить, что такая расстановка сил в руководстве курдским движением воспринимается курдскими массами весьма негативно и критически. Заявления руководства ДПК и ПСК о скором завершении процесса объединения руководящих органов автономного региона воспри-

нимаются как важный шаг на пути достижения единства – ключевого фактора успеха борьбы.

Вопрос о форме государственной структуры Ирака и статусе Курдистана вступил в новый этап развития. Как и следовало ожидать, более или менее сносное единство оппозиции переживало серьезный кризис после падения садамовского диктаторского режима. Вынужденная считаться с силой и влиянием автономного региона в период саддамовского режима, арабская оппозиция, особенно шииты, после падения диктатуры стала оспаривать автономные права курдов в федеративном государстве. В этом вопросе, по известным причинам, они получали поддержку соседних государств, особенно Ирана. После длительных и ожесточенных дебатов была достигнута договоренность между арабской оппозицией – нынешними членами временного руководства страны и курдами о подписании документа, определяющего план создания новой госструктуры Ирака.

8 марта Правящий совет Ирака подписал документ важного значения – Временный административный закон (или Временная конституция). В этом документе определены ключевые моменты, на основе которых будет создано новое иракское государство. Острейшие дебаты развернулись вокруг трех ключевых вопросов: федеративного госустройства, роли исламского фактора в законодательстве страны и автономного статуса курдов. Ценой огромных усилий курдам удалось отвергнуть план, который федеративное госустройство основанное на адекватных национальных правах арабов и курдов, заменял административным разделением страны в духе программы «аль-ля марказия» (децентрализации), многократно отвергнутым курдами еще во времена покойного лидера курдского движения Мустафы Барзани. Таким образом, формой решения курдского вопроса в Ираке признается федерация. Серьезнейшим препятствием для принятия Временной конституции было предложение духовного вождя шиитов аятоллы Али аль-Систани о включении в текст положения, согласно которому основой всего законодательства должен быть шариат. После категорического возражения американского уполномоченного Пола Бремера, а также курдов и части арабов, выступающих против теократического характера государства, было принято компромиссное решение: в тексте Временной конституции лишь указано, что не может быть принят никакой закон,

противоречащий исламу. Главное достижение по курдскому вопросу – признание автономного статуса курдского региона, форма реализации – федеративное государство.

В плане недопущения произволов и поворота в отношении правового положения курдов важное значение имеет положение Временной конституции о том, что постоянная конституция не будет считаться принятой, если на референдуме ее отклонят две трети избирателей в трех или более областях Ирака. Таким образом, курды, составляющие большинство в северных областях (т.е. в Курдистане) получают возможность заблокировать принятие конституции, если в ней не будет предусмотрен тот уровень автономии Иракского Курдистана, какого они добивались. Учреждается суверенное иракское правительство, которое будет управлять страной с июля этого года до свободных парламентских выборов в 2005 г. Предусматривается, что будущее правительство должно быть республиканским, федеративным, демократическим и плюралистическим. Должны быть обеспечены гражданский контроль над вооруженными силами, численность которых к концу 2004 г. нужно довести до 40 тыс. чел.

Временный административный закон определяет основные направления политики новых госструктур во всех областях страны. Однако не все подробности реализации автономного статуса Южного Курдистана отражены в этом документе. Это означает, что предстоят еще немалые усилия для обеспечения полноценного автономного статуса курдского региона. Так, на наш взгляд, в административном делении федеративного Ирака, в конституции страны должно быть зафиксировано название не «курдский регион», а «Южный Курдистан». Правомерность такого определения подтверждается примером целого ряда стран – России, Испании, Великобритании и др. Для обеспечения безопасности и преемственности курдской автономии важное значение имеет следующее обстоятельство: учитывая уроки прошлого, при которых правящий режим многократно вероломно нарушал соглашения с курдами, а также реальную угрозу со стороны определенных соседних государств, необходимо: а) автономному региону иметь определенное количество вооруженных сил для обеспечения самозащиты, б) международные гарантии статуса курдов.

При обсуждении роли курдского фактора и решения курдского вопроса нельзя не считаться с очевидными уроками

КУРДИСТАН:
ПЕРСПЕКТИВЫ КУРДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

**Курдский вопрос:
прошлое, настоящее, перспективы**

Курдский вопрос в настоящее время весьма походит на польский вопрос, каким тот был в Европе в эпоху после разделов Польши. Как и Польша, Курдистан является постоянным «фактором нестабильности» для разделивших его держав и, шире, всего региона. Он ограничивает возможности экономического и социального прогресса государств, разделивших эту страну, заставляет их подчинять свою политику интересам удержания Курдистана, жертвуя при этом как демократическими правами, так и соображениями экономической выгоды; он способствует консервации самых реакционных, застойных и опасных тенденций, которые существуют в разделивших его странах. Но польский вопрос, в конце концов, был разрешен воссозданием национального польского государства, а разделы Польши были признаны разделившими ее странами не только преступлением, но и политической ошибкой. Курдский же вопрос, несмотря на явный прогресс в Ираке, пока далек от разрешения. Это значит, что решение курдского вопроса заключается в немедленном создании независимого курдского государства. Но несомненно, что нынешняя ситуация является объективным источником крайне болезненных проблем и служит дестабилизирующим фактором для всего региона.

История вопроса

Всем известно, что курды – самый крупный этнос в мире, не имеющий собственной государственности. Вкратце напомним,

* Представитель ДПК в странах СНГ.

что земли курдов, являющихся, в качестве потомков древних западных иранцев (мидийцев), автохтонным этносом региона, в XVI в. были поделены между Иранской и Османской империями. В конце XIX в., под влиянием националистических идеологий, охвативших в то время весь цивилизованный мир, зародился национализм и у курдов. Восстание шейха Обейдуллы в 1880 г. было первым движением под лозунгом создания национального курдского государства. Однако общая неразвитость курдского общества, господство в нем племенных и религиозных идентификаций (к сожалению, не вполне изжитых до сих пор) препятствовали широкому распространению националистических идей. Между тем, среди соседних с курдами народов региона – турок, арабов, персов – происходило бурное развитие националистических идей и, одновременно, трансформация традиционных политических систем, построенных на патриархальных основах и поэтому допускавших значительную внутреннюю автономию общин, в современные централизованные национальные государства, стремящиеся максимально контролировать различные сферы публичной жизни. Сочетание этих обстоятельств и определило трагический для курдов характер их истории в XX в.

В 1920 г. Севрский мирный договор в статьях 62–64 потребовал от Турции предоставления Курдистану автономии с провозглашением независимости, если в пользу ее выскажется большинство населения на организованном Лигой Наций плебисците. Реализация договора, как известно, была сорвана турецким националистическим движением Мустафы Кемаля и противоречиями между державами Антанты. Показательно, что многие курдские племена поддержали не европейцев, обещавших им собственную государственность, а турецких националистов, которые обещали создать под лозунгом исламской солидарности общее государство турок и курдов. Вместо этого, как известно, в Турции был запрещен курдский язык, а сами курды объявлены «горными турками». Ситуация чрезвычайно показательная, демонстрирующая, как более развитые соседи эксплуатировали отсталость и политическую наивность тогдашних курдов, живших еще во многом средневековыми представлениями.

В результате победы кемалистов, в 1923 г. в Лозанне был подписан мирный договор, который окончательно аннулировал все положения Севра и утвердил государственное разграничение, которое существует до сих пор. Так сложилась парадок-

сальная система, при которой курды, по оценкам насчитывающие свыше 30 млн. чел., оказались разделенными между четырьмя государствами и пребывающими в статусе «угнетаемого национального меньшинства». Положение усугублялось недемократичностью, авторитарностью самих обществ, среди которых проживали курды. Это приводило к тому, что все ресурсы и рычаги управления – финансовые, информационные, военно-полицейские – концентрировались в руках строго централизованной военно-бюрократической верхушки, формировавшейся на основе принадлежности к господствующему этносу или, по крайней мере, самоидентификации себя с ним.

Курдский национализм

Ответом на эти вызовы явилось развитие курдского национализма, выражавшегося в спорадических восстаниях под лозунгом создания независимого либо автономного Курдистана. Особо можно отметить восстание шейха Махмуда Барзинджи, в 1919 г. провозгласившего себя в Сулеймании королем Курдистана, и восстание шейха Саида в Турции в 1925 г. Но лишь в 1946 г. реально возникло первое курдское государственное образование. Я имею в виду так называемую Мехабадскую республику в Иранском Курдистане, просуществовавшую 11 месяцев и разгромленную шахскими войсками. Кроме того, что Мехабад дал курдам первый опыт и прецедент государственности, он ценен еще одним: именно в ходе Мехабадской революции возникли две первые националистические курдские партии: Демократическая партия Иранского Курдистана и Демократическая партия Курдистана (Ирак). Таким образом, национальное движение впервые оказалось поставленным на современную основу.

Движение Барзани

Следующий этап в развитии курдского национализма связан с именем Мустафы Барзани и той борьбой, которая в течение полутора десятилетий шла под его предводительством в Иракском Курдистане. Результатом этой борьбы оказались Мартовские соглашения 1970 г., официально признавшие право курдов на автономию в Ираке. К сожалению, реализация этих соглашений превратила автономию в пустую формальность, фасад на тоталитарной баасистской постройке. Тоталитарный режим, конечно, не мог удовлетворить демократиче-

ские права и требования курдов; на продолжающуюся в Курдистане борьбу он ответил пресловутой операцией «Анфаль». Кампанией геноцида, сравнимой с гитлеровским «окончательным решением еврейского вопроса» или с армянской резней. В конце концов, Первая война в Заливе и последовавшее за ней создание «бесполетной зоны» избавили курдов от угрозы физического уничтожения в Ираке и создали для них возможность самостоятельного развития.

Курдское движение в Турции

Другой вариант курдского ответа на националистический вызов со стороны окружающей среды наблюдался в Турции. В отличие от иранского и иракского вариантов, которые можно условно назвать «национально-демократическими», этот последний является «радикально-тоталитарным». Имеется ввиду всем известная «Рабочая партия Курдистана». Не одобряя методы, практиковавшиеся этой организацией, нельзя, однако, не отметить, что модус ее поведения определялся степенью давления на этнос: в ситуации, когда никакие нормальные проявления национальной жизни были практически невозможны, когда полицейским преследованиям подвергался даже курдский язык, защитная реакция не могла не принять самых радикальных форм.

Концепция суверенитета как источник проблем

В общем и целом можно отметить, что тупиковость сложившейся ситуации была напрямую связана с концепцией «национально-государственного суверенитета», под знаком которой проходила политическая жизнь XX в. Если угнетение курдов происходило под лозунгом «единства нации и государства», то и решение вопроса, в свою очередь, мыслилось либо в качестве создания суверенного национального государства, аналогичного Турции, Сирии или Ираку, но только с курдами в качестве основного этноса, либо в создании этнической автономии внутри национального государства. Однако первое оказалось недостижимым ввиду отсутствия в международной политике сил, реально заинтересованных в создании курдского государства. Второе, при внешней скромности требований, оказалось недостижимым в такой же степени, ввиду упоминавшейся недемократичности восточных обществ и противоречия реальной автономии самой сути сложившихся централизо-

ванных национально-государственных систем. В результате, мы можем констатировать, что на всем протяжении XX в. курды являлись лишь постоянно действующим дестабилизирующим фактором в международной жизни.

Курды на пороге XXI в.: «демографическая бомба»

На рубеже нового века, на фоне кардинальных перемен, происходящих в мире, курдский вопрос вновь обострился; но уже на новом уровне. Как это ни парадоксально, но стремление правительств, разделивших Курдистан, держать эту территорию в состоянии экономической отсталости, подожгло под них же «демографическую бомбу»: оно имело следствием сохранение в Курдистане высокой рождаемости по сравнению с другими регионами этих стран. В результате, несмотря на все преследования и этнические чистки, демографический баланс в регионе неуклонно меняется в пользу курдов. Это – на региональном уровне. На уровне же мировом, курды оказались частью процесса, вообще являющегося определяющим для современной эпохи глобализации.

Глобализация и курды

Если еще три-четыре десятилетия назад курды были этносом, как бы «замкнутым в себе», то ныне во всем мире появилась многомиллионная курдская диаспора, соперничающая по численности (хотя пока, к сожалению, не по организованности) с еврейской или армянской. «Выход» на мировые просторы, естественно, расширил кругозор курдского общества, открыл перед ним новые перспективы. В настоящее время в Европе и Америке вступило в активную жизнь новое поколение курдов, родившихся или с детства живущих в странах проживания, получивших там образование и воспитание, и, следовательно, имеющих современный западный менталитет. Наконец, кардинальным образом повлияла на курдов и революция в информационных технологиях, прежде всего Интернет и спутниковая связь. В настоящее время молодой курд, сидя в интернет-кафе где-нибудь в горном поселке под Эрбилем, может узнавать последние новости из Нью-Йорка, Лондона или Москвы, переписываться со своим сверстником в Австралии и читать все, что написано в последние годы по курдской тематике. Еще не так давно турецкие курды ждали как откровения 15-минутной передачи ереванского радио на курдском языке; теперь, благо-

даря спутниковым антеннам, к их услугам три курдских телевизионных канала (один в Эрбиле, один в Сулеймание и один в Европе).

Размывание суверенитета

Вместе с тем, благодаря взаимосвязям и взаимозависимости внутри современного мира, курдская проблема давно перестала быть региональным вопросом, касающимся только самих курдов и правительств государств, в которых они проживают. Гуманитарная катастрофа, происшедшая в Турции после подавления курдского восстания в Дерсиме (1937 г.) по своим размерам была не меньшей, чем та, что произошла в Иракском Курдистане в 1991 г.; но если в конце XX в. весь мир объединился, чтобы остановить геноцид курдов в Ираке, то аналогичные события в Дерсиме просто не заметили. Новая эпоха навязывает свои «правила игры» и странам, владеющим Курдистаном: ради успеха интеграции в новое мировое сообщество они вынуждены предпринимать какие-то шаги навстречу курдам. И здесь мы подходим к ключевому моменту современной политической ситуации: размыванию понятия национального суверенитета и, следовательно, классического представления о «государственности» как оно сложилось в Новое время после Тридцатилетней войны. Процесс размывания национальной государственности, как известно, имеет двоякую направленность: с одной стороны, он выражается в передаче части функций от национального центра к наднациональным объединениям; с другой, – в передаче их на места. В качестве примера возьмем Европу, где, параллельно интеграционным процессам, происходит настоящий всплеск местных национализмов: баскского, бретонского, корсиканского, шотландского, валлийского, даже баварского и ломбардского. И то, что ранее считалось проявлением сепаратизма и опасным вызовом национальной монолитности, теперь все более и более воспринимается с точки зрения лозунга: «единство в многообразии». Нередко это просто приветствуется национальными правительствами: известно, например, что Берлин выделяет средства на поддержку литературы на местных диалектах. Такой важный атрибут национальной государственности, как границы также теряет свое значение, все больше и больше переставая быть «священным и неприкосновенным» символом суверенитета и превращаясь в административную условность. Здесь

надо заметить вот что. Люди, воспитанные на старых представлениях о национальном суверенитете, как правило, крайне негативно относятся к местным национализмам и сепаратизмам. Они указывают, что их расцвет приводит к повышению конфликтов между отдельными этническими группами в обществе, а также между этническими группами и государственной властью, и на этом основании, говоря о национальных движениях, рисуют сценарии какого-то нового Апокалипсиса. Мы же отметим, что конфликт является естественной и необходимой составляющей всякого живого общества. Конфликт, как известно, – вообще источник всякого развития и прогресса. Вопрос в том, чтобы конфликт был конструктивным – а для этого требуются демократические и ненасильственные механизмы его разрешения. Поэтому мы не только не видим в конфликте ничего ужасного, но, при известных условиях, и приветствуем тот факт, что субъектами конфликтов, наряду с политическими партиями, профессиональными организациями и т.д. становятся также локальные и этнические группы.

Здесь, впрочем, следует сделать одно замечание. Как правило, критики национализма малых групп сами принадлежат к преобладающей в обществе этнической группе, т.е. это – люди, для которых государственный язык является в то же время и родным. Такие люди зачастую совершенно искренне не понимают представителей национальных меньшинств, потому что в своей жизни никогда не сталкивались с проблемами, с которыми последние сталкиваются на каждом шагу.

Но вернемся к вопросам глобализации. Поскольку последняя предполагает известное единство «правил игры», то навязывание принципов, на которых построено общество наиболее успешных стран, – т.е. принципов демократии и приоритета прав человека – для последних уже не просто нравственный выбор, но, до известной степени, прагматическая необходимость. Все это открывает перед курдами совершенно новые перспективы. Достаточно отметить, что в настоящее время большая часть Курдистана так или иначе находится под западным контролем: турецкий Курдистан является частью НАТО, иракский Курдистан в настоящее время также подконтролен западному блоку; эта интеграция станет еще более тесной в случае вступления Турции в ЕС. К этому следует прибавить и то, что Курдистан с его нефтяными и водными ресурсами можно назвать ключевой точкой этого, в свою очередь, ключевого

региона. Недаром же говорят, что тот, кто владеет Курдистаном, контролирует весь Ближний Восток. Ныне же становится все очевиднее, что демократизация Ближнего Востока и приведение его к современным западным стандартам является стратегической целью США. В этой связи курды не могут не приветствовать те процессы, которые пока вызывают озабоченность у многих аналитиков – кризис старого международного права, построенного на идее национального суверенитета, и зарождение нового, ставящего во главу угла суверенитет личности, права человека и интересы человечества, рассматриваемого как единое сообщество. Напомним, что новые подходы впервые были опробованы именно в Курдистане – в ходе «гуманитарной интервенции» 1991 г. К сожалению, реализация этих подходов пока идет достаточно противоречиво. Но, на наш взгляд, выводами из этого могут служить не призывы к отстаиванию национальных суверенитетов, а создание международных механизмов, которые сделали бы в принципе невозможными угнетение национальных меньшинств, тем более геноцид и вообще существование преступных режимов, а также позволили бы демократическим путем разрешать не только международные, но и внутренние вооруженные конфликты.

Вызовы экстремизма и курды

Наряду с этим, вспомним, что в новом, глобализованном мире вызовов появились и новые факторы, – в первую очередь, религиозный фундаментализм и тесно связанный с ним международный терроризм. До сих пор курды, как это ни странно, не прибегали к террористическим методам. Даже самая радикальная из курдских организаций – Рабочая Партия Курдистана – никогда не практиковала захватов заложников, угонов самолетов, взрывов в публичных местах и тому подобных акций. Не были подвержены курды и религиозному фанатизму. У арабов, персов и турок, более курдов ревностных в вере, существовали даже поговорки, смысл которых сводился к тому, что курд не может быть настоящим мусульманином. С появлением же курдского национализма выяснилось, что религия работает не за, а против национального фактора. Ели у большинства народов религия служит фактором сплочения, противопоставляет их другим народам, то курды, с одной стороны, исповедуют две религии, т.е. ислам и езидизм (не считая небольших групп ассимилированных христиан и курдистанских

евреев), причем ислам обоих толков: как шиитского, так и суннитского. С другой стороны, религия связывает курдов с народами, угнетающими их, и издавна служила средством ассимиляции. Таким образом, почва для религиозного экстремизма в Курдистане весьма узка, а немногочисленные исламистские группы, существовавшие там до последнего времени, в основном подпитывались и организовывались извне и были уничтожены тотчас, как только курдистанские правительства сочли себя в силах не считаться с этим внешним фактором.

При нынешних условиях, радикальные тенденции в курдском обществе пошли на спад, и даже РПК, как известно, отказалась от вооруженной борьбы и ищет контактов с американцами. Но – хочу это особо подчеркнуть – такой ход событий связан с надеждами на мирное, демократическое разрешение курдской проблемы. Если представить себе, что надежды не оправдаются, – курдское общество будет ввергнуто в состояние фрустрации, а это, в свою очередь, может грозить самыми непредсказуемыми последствиями.

Все это позволяет ставить вопрос таким образом: курдская проблема будет решена на новых принципах, – иначе она станет катализатором новых процессов, опасных не только для региона, но и для всего мира.

Неоднородность курдского общества

Следует также отметить, что само курдское общество в разных частях Курдистана в высшей степени неоднородно. Разница не только в диалектах, но, прежде всего, в менталитете, который сформировался у курдов различных государств под влиянием существующих там условий. Вместе с тем, части разделенного Курдистана в большей или меньшей степени тесно связаны с, условно говоря, метрополиями – иной раз более тесно, чем с соседними частями Курдистана. Это в будущем может стать серьезным препятствием на пути формирования общекурдской государственности. Поэтому, на мой взгляд, решение курдского вопроса может быть только поэтапным.

Иракский Курдистан

Однако единственной частью Курдистана, в которой намечались контуры такого решения, пока что является Иракский Курдистан.

Формирование государственности

История Иракского Курдистана за последние 12 лет – это, прежде всего, история формирования успешно функционирующей и достаточно демократичной курдской государственности. Не будем идеализировать этот процесс и прямо отметим, что проходил он не самым оптимальным образом. Было все, включая гражданскую войну между курдскими партиями. Это и неудивительно. К моменту, когда курды получили в руки власть, у них не были собственной политической элиты и опыта администрирования. Из-за отсутствия опыта государственности не могло сформироваться и самосознание, ставящее государственные интересы выше групповых. Неудивительно поэтому, что партизанские командиры, заняв правительственные посты, попытались решать возникающие проблемы привычными им методами. Удивительно другое: то, что курды относительно быстро вышли из этой ситуации, набрались опыта и создали эффективно действующие структуры.

Были проведены парламентские и муниципальные выборы. Был достигнут реальный плюрализм и многопартийность (в настоящее время в Курдистане существуют 36 партий), обеспечено развитие институтов гражданского общества: общественных и профессиональных организаций и т.д. Достигнута реальная свобода слова и печати, национальное и религиозное равноправие. Так, в парламенте Курдистана отведены места для представителей национально-религиозных меньшинств; меньшинства имеют культурную автономию, собственные национальные школы; все религиозные культы и их служители в одинаковой степени финансируются правительством. Соблюдаются права женщин, отменен пресловутый закон об «убийствах на почве чести». Женские организации, борющиеся за фактическое равноправие женщин в обществе, пользуются активной поддержкой правительства. Отменена смертная казнь. Многочисленные представители правозащитных, гуманитарных и иных международных организаций, посетившие Иракский Курдистан, в один голос свидетельствуют, что в смысле демократии и прав человека он является образцом для всего Ближнего Востока.

В отношении экономическом годы действия программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие» явились поистине золотыми годами для Курдистана. Как известно, согласно этой программе, 13% от выручки нефти должно было идти на нужды курдской зоны. Эффективное использование полученных средств буквально преобразило Курдистан. Велось строительство многочисленных школ, больниц, дорог, восстановление старых и строительство новых поселков, насаждение лесов, вырубленных при Саддаме. Были открыты даже луна-парки. В общем, несмотря на двойную (со стороны Багдада и ООН) блокаду зоны и посильный саботаж правительством Саддама программы по Курдистану, уровень жизни в нем удалось поднять выше, чем до 1991 г.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов культурных и психологических факторов фактической независимости. Были открыты несколько университетов, множество школ и колледжей, ликвидирована неграмотность, создано курдское телевидение, в том числе два спутниковых и несколько местных каналов. Выросло новое поколение, которое никогда не жило при власти Багдада, никогда не ощущало себя иракскими гражданами, плохо знает арабский язык и воспринимает фактическую независимость Курдистана как данность. Эти люди вступили в активную жизнь, и вскоре именно они будут определять лицо курдского общества.

Современная ситуация

Теперь, после войны, сложилась принципиально новая ситуация. Статус курдских земель, не входивших в зону «Свободного Курдистана», и прежде всего Киркука с его нефтяными запасами, пока не определен, хотя фактически они находятся под контролем Регионального правительства. Однако нельзя не отметить, что курды в настоящее время занимают в Ираке совершенно особое положение. Из трех главных иракских общин арабы-сунниты, главным политическим представителем которых являлась партия Баас, просто дезорганизованы и с большим трудом пытаются вернуть себе политическую роль. Шииты более организованы; но они находятся под властью оккупационной администрации. Курды же с их 80-тысячной армией и статусом союзников по коалиции оказались фактически в лагере победителей. При этом противоречия между американцами и шиитами оставляют им широкое поле для политическо-

го лавирования. Силу позиции курдов придает как их статус союзников США, так и наличие фактически собственной армии, тогда как остальной Ирак своими вооруженными силами не располагает (если не считать 10-тысячной шиитской милиции, впрочем, лишенной тяжелого вооружения). Принятие временной конституции Ирака означает формальное признание всех прав, которыми де-факто обладало правительство Курдистана на территории трех провинций (Эрбиль, Дохук, Сулеймания). Признано сохранение за курдами права иметь и контролировать собственную армию (переименованную в «национальную гвардию») и фактический приоритет курдистанского законодательства над общеиракским (парламент Курдистана получил права вето на общеиракские законы на территории Курдистана). При этом курдам пришлось пойти на известный компромисс в отношении других своих требований, выходящих за пределы властных полномочий в «Свободном Курдистане» (так, отложены вопросы о принадлежности Киркука и вообще об окончательных границах Курдистана, а также о принципах распределения общенациональных нефтяных доходов). Но, судя по всему, этот компромисс будет компенсирован усилением роли курдов в центральных багдадских органах. Таким образом, Региональный Курдистан находится на пути окончательной легитимации как курдское государственное образование в составе Ирака, обладающее широкими правами самоуправления.

Причины успехов курдов – демократичность

Если мы приглядимся к политическим успехам курдского руководства, то обнаружим любопытный парадокс. Курды, которые не имели никакого политического и дипломатического опыта, сумели успешно «обыграть» арабские, турецкие и персидские политические элиты с их длительным стажем управления государствами. В чем разгадка? В демократической ориентированности курдской политики. Это предполагает прагматизм, гибкость, незацикленность на идеологических постулатах. Наоборот, идеологизированность существующих ныне ближневосточных элит заводит их политику в закономерный тупик.

Федерализм. Проект конституции Курдистана

Как известно, политической целью курдов является федерация в составе демократического Ирака. Федерализация страны – вопрос, фактически решенный в договоренностях оппозиции. В поддержку этой идеи высказывались в Вашингтоне и, особенно, в Лондоне.

О том, каким видят иракские курды будущее своей страны, – говорит проект Конституции Иракского Курдистана. Эта конституция определяет политическую систему Курдистана как «многопартийную, плюралистическую, парламентскую и республиканскую». Источником власти провозглашается народ Курдистана, состоящий, по конституционному определению, «из курдов и национальных меньшинств: туркмен, ассирийцев, халдеев и арабов». В качестве официального языка в Курдистане провозглашается курдский, в качестве общегосударственного признается арабский; за туркменским и ассирийским признается статус «языка культуры и образования для тех, кто говорит на нем». Столицей Курдистана объявляется Киркук. Гарантируются все общедемократические права и свободы. Порядок назначения правительства аналогичен российскому: президент назначает премьера, последний формирует правительство, которое утверждается парламентом. Оговаривается, что в правительство должны входить представители национальных меньшинств. Далее, утверждается приоритет Конституции перед общефедеральными законами, что фактически означает не столько федеративное, сколько конфедеративное устройство. Однако горький опыт курдов показывает, что только таким образом можно обезопасить себя от покушений со стороны арабского национализма. Сюда же относится статья, провозглашающая, что в случае появления акта, в одностороннем порядке изменяющего структуру федерации без согласия Регионального Курдистана, курды могут осуществить свое право на самоопределение. Вопрос о разграничении полномочий между Курдистаном и федеральными властями, который должен быть предметом особого договора, не затрагивается в проекте Конституции; отмечается только, что таможенные сборы признаются компетенцией федерации.

Временная конституция Ирака признала принцип федерализма основополагающим для будущего государственного устройства, однако не определяя частностей. На этом фоне важную роль играет вопрос о представительстве курдов в центральных органах. В частности, один из проектов организации

временной исполнительной власти предусматривает создание президентского совета из трех человек: шиита, суннита и курда (как предполагается, Масуда Барзани). Усиление роли курдов в центральной администрации выгодно не только самим курдам, но в той же степени и американцам, так как курды являются их политическими и идейными союзниками. Такое усиление гарантирует как от попыток реванша арабских элит внутри страны, так и от вмешательства соседних государств; кроме того, их присутствие в правительстве служит также гарантией против тенденций, направленных на распад Ирака.

Перспектива распада Ирака и независимости Курдистана

Между тем, перспектива распада также остается возможной. В самом курдском обществе чрезвычайно сильны настроения в пользу независимости; в настоящее время проходит сбор подписей за референдум по этому вопросу. В реальности гипотетическая независимость Иракского Курдистана чревата сложностями как экономического плана (Курдистан, как известно, не имеет выхода к морю), так и внешнеполитической уязвимостью. Тем не менее, ситуация в Ираке остается неопределенной, и нельзя исключать варианта, что Курдистан получит независимость даже вопреки желаниям самих курдов. Нельзя забывать, что Ирак в современных границах является образованием, искусственно образованным из трех разнородных территорий: шиитского юга, суннитского центра и курдского севера. До сих пор единственным связующим звеном между ними была авторитарная диктатура арабо-суннитского меньшинства. Вопрос состоит в том, может ли единство Ирака держаться на иных основах? Тем более, при полном отсутствии демократических традиций в обществе и разгроме старой политической элиты. Некоторые западные аналитики уже утверждают, что понятие «демократический Ирак» – абсурд по определению, и распад иракского государства является неизбежностью. События показывают, что американцам, при всем их старании, трудно будет создать себе практическую опору в арабском обществе Ирака. В то время, когда на юге господствуют фундаменталистские настроения, – сунниты, превратившиеся теперь в обыкновенное меньшинство, очевидно, никогда не простят американцам утраты господствующей роли в государстве. В этом отношении можно сделать вывод, что, чем

более антиамериканскими будут центр и юг, – тем сильнее будут американцы ставить на лояльный им курдский север. Вопрос о независимом Курдистане как «запасном плане» для Вашингтона уже открыто обсуждается в американской прессе. В любом случае, Курдистан останется безусловной опорой и базой американцев в Ираке.

Проблемы границ и арабизации

Следует помнить, однако, что существовавшая до последнего времени так называемая зона безопасности, а следовательно, и территория курдской государственности де-факто, далеко не включала в себя всей курдской территории в Ираке. За ее пределами остались значительные территории в провинции Мосул и вся провинция Киркук, центр которой курды считают столицей Курдистана. Правительством Саддама там проводилась активная кампания по вытеснению курдов и передаче их домов и участков арабам. Отсюда – вопросы о границах курдской государственности и возвращение имущества беженцам, являющиеся в настоящее время первоочередными для Курдистана. Следует подчеркнуть: курдское правительство согласно оставить нефтяные запасы Киркука в федеральной собственности, но оно никогда не согласится с изъятием этого города и провинции из курдского государственного образования. Из-за невключения Киркука в состав курдской автономии курды не признали закона об автономии в 1974 г. и подняли восстание против Саддама Хусейна. Тем более, не смогут они смириться с этим в современных условиях. Вместе с тем, большую проблему составляют вопросы деарабизации. Ликвидация последствий насилия, учиненного по отношению к курдам, не может проводиться с помощью насилия, на этот раз в отношении нынешних владельцев. Тем не менее, выселение многих тысяч арабских семей из их домов создает значительную гуманитарную проблему. В принципе, все стороны – курдское правительство, американская администрация и даже арабы – согласны, что это должно решаться через суд. К сожалению, ни законодательные, ни судебные механизмы до сих пор не разработаны; это консервирует статус-кво и, в свою очередь, играет на руку арабским переселенцам. Естественным образом растет недовольство и раздражение среди курдов, которые вынуждены ютиться в палатках и глядеть, как в их собственных домах проживают люди, вселенные туда Саддамом.

Необходимость международных гарантий

Следует отметить необходимость международных гарантий прав курдов. Как известно, право любого народа свободно осуществлять свое экономическое, социальное, культурное и политическое развитие декларировано резолюциями ООН и не подлежит обсуждению. К сожалению, ООН не слишком настаивала на его претворении в жизнь ни тогда, когда в Турции запрещался курдский язык, ни тогда, когда Саддам травил курдов газами. Однако в настоящее время реально создалась ситуация, когда ООН может и должна приложить все усилия для гармонизации и демократизации национальной ситуации в Ираке.

Курдистан и страны региона

Влияние Свободного Курдистана на ситуацию в Турции

Опыт 12-летнего существования курдской государственности де-факто выявил еще одну любопытную деталь: она стала катализатором экономического развития не только самого Северного Ирака, но и соседних с ним регионов иранского, сирийского, турецкого Курдистана. Именно на торговле с курдским регионом росло богатство этих областей, до сих пор фактически не развивавшихся собственными правительствами. Далее, нельзя не отметить и то, насколько содействовали успехи курдской государственности социальному и культурному прогрессу в регионе. Достаточно вспомнить ту ситуацию культурного и интеллектуального убожества, в которой находился Турецкий Курдистан десятилетие назад и при которой пышным цветом расцветала идеология РПК. Последнее, в свою очередь, играло на руку агрессивным националистам в Анкаре, поскольку позволяло оправдывать любые антикурдские акции интересами «борьбы с терроризмом». Пример Иракского Курдистана всколыхнул национально-культурное самосознание турецких курдов и в то же время продемонстрировал реальную демократическую альтернативу радикализму оджалановского толка. В значительной степени именно благодаря этому резко пошло на спад влияние РПК: она потеряла монополию на патриотизм. Кризис же этой радикальной организации, подавлявшей всякую оппозицию себе в курдском об-

ществе, открывает некую нишу, которую могут заполнить более здоровые силы.

Легитимация курдской государственности в Ираке и дальнейшее развитие экономических контактов между Иракским и Турецким Курдистаном несомненно ведут к важным, может быть, даже решающим переменам в самосознании турецких курдов; результаты этих процессов, несомненно, скажутся уже в ближайшие годы.

Вместе с тем, Анкара потеряла возможность отрицать курдский вопрос, и даже само существование курдов, как она это с успехом делала на протяжении десятилетий. Вызов, с которым столкнулась Турция, требует от нее пересмотреть принципы своего общественно-государственного устройства в сторону большей демократизации.

Двойственность позиции Анкары

Политическая элита Турции чувствует это и находится в определенном замешательстве. Можно сказать, что все ее идейные и политические колебания находятся в спектре между двумя крайними позициями: то ли ввести в Иракский Курдистан войска и силой прекратить эксперимент, опасный для территориальной целостности страны; то ли, наоборот, наладить с курдами союзнические отношения и усилить свое влияние в регионе, введя в его орбиту и Курдистан? Естественно, что преобладают настроения в пользу первого варианта; однако после фатальной ошибки, которую допустили турки, воспрепятствовав американцам открыть «северный фронт», — он является просто утопией. Аналогичная двойственность заметна и во внутренней политике Турции относительно курдов, колеблющаяся от репрессий к попыткам либерализации. Однако Анкара чувствует, что последовательно репрессивная политика уже невозможна; последовательное же предоставление курдам демократических прав приведет к повышению самосознания, а, следовательно, и требований. Последнее кажется опять-таки неприемлемым для людей, воспитанных на кемалистских идеалах национально-государственного единства. Тем не менее, создается впечатление, что объективные факторы заставляют Турцию двигаться именно в этом направлении. Основных факторов три: существование Иракского Курдистана; давление со стороны Европы; наконец, усиливающееся в последнее время давление со стороны США, которые резко пересмотрели свою

прежнюю политику безоговорочной поддержки Анкары. Следует обратить внимание и на экономическую уязвимость Турции: в настоящее время страна охвачена кризисом, и все свидетельствует, что ей очень трудно развиваться без помощи Запада. Поведение Турции после январского визита премьер-министра Р.Т.Эрдогана в Вашингтон (в частности, ряд демонстративных прокурдских проявлений после террористического акта в Эрбиле) показывает, что Турция, скорее всего, была вынуждена смириться с невозможностью изменить статус-кво и пытается приспособиться к новой реальности. Что же касается позиции Иракского Курдистана, то нельзя не отметить той жизненной важности, которую представляют для нас добрососедские экономические, а, следовательно, и политические отношения с Турцией, через которую курды могут иметь доступ в Европу. Иракские курды делают все от них зависящее, чтобы добиться взаимовыгодного сотрудничества с соседними странами.

Иран, Сирия и курды

Далее, надо учитывать усиливающуюся политику давления США на страны так называемой оси зла – Иран и Сирию, где также существуют значительные курдские меньшинства, ведущие многолетнюю борьбу за свои права. После иракских событий эти две страны реагируют прямо противоположным образом на ситуацию со своими курдами. Тегеран, судя по всему, пытается нейтрализовать курдов; согласно последним сообщениям, начались переговоры между иранскими властями и вооруженной курдской оппозицией. Наоборот, в Сирии в последние месяцы произошел поворот к ужесточению репрессий; проведены аресты курдских лидеров. Здесь можно отметить, что та страна, которая первой решит у себя курдскую проблему, превратится в центр тяготения для всех 40 миллионов курдов и, таким образом, сможет играть решающую роль в регионе.

Перспектива «Большого Курдистана»

В связи с этим, однако, возникает закономерный вопрос. Предположим, что курдский вопрос разрешен во всех странах на основе федерации. Что будет дальше? Остановятся ли на этом курды? Не явится ли федерация лишь формой «цивилизованного развода», путем к созданию Большого Курдистана? Такой ва-

риант развития событий в долгосрочной перспективе отнюдь нельзя исключать. Не следует его только драматизировать. Вопреки распространенным предрассудкам, ни стремление к сохранению существующих границ, ни стремление к их переделу не являются сами по себе факторами стабилизации или дестабилизации. Они становятся таковыми в зависимости от методов, которые используются при разрешении проблемы. Впрочем, необходимо еще раз подчеркнуть сказанное выше о «размывании суверенитета». Хотя сейчас это и звучит фантастически, но мировые процессы идут с такой скоростью, что, весьма возможно, через некоторое время на Ближнем Востоке сложится некое экономико-политическое единство, в рамках которого провозглашение Курдистана просто не потребуется и курдский вопрос (как, впрочем, и израильско-палестинский) найдет свое гармоническое разрешение. Пока же следует отметить, что проблема «передела границ» будет представлять опасность лишь тогда, когда она будет ставиться в формате традиционных представлений о суверенных национальных государствах. Однако в рамках этого формата, опасность для мира и стабильности представляет не столько пресловутый «сепаратизм», сколько самый факт существования курдского этноса. Конечно, в современных условиях, признающих приоритет прав человека над государственными, национальными и прочими интересами, такая постановка вопроса не может быть терпима.

Курдистан на международной арене

Курдистан и США

Главный стратегический партнер курдов в настоящее время – США. Это – результат объективного совпадения интересов, которое заставляет американскую администрацию совершать известные поступки в пользу курдов. Общее направление курдской политики, опирающееся на светские и демократические ценности, является одним из факторов, сплачивающих этот союз. Надо сказать, что это – новое явление в региональном геополитическом раскладе. До сих пор курды использовались американцами чисто тактически, и ничто не мешало Вашингтону оставить их на произвол судьбы в случае, если он сочтет это необходимым. Так случалось дважды: в 1975 и 1991 гг. После создания «зоны безопасности» американцы стали уделять больше внимания курдскому фактору. В тоже самое

время Вашингтон должен был считаться с озабоченностью Турции, которая на тот момент являлась основным союзником США в регионе. Но Турция допустила роковую для себя ошибку, отказав США и тем поставив под вопрос сами турецко-американские союзнические взаимоотношения. Результатом оказались планы американцев перебазировать часть своих войск из турецкого Курдистана в иракский. Объективным ходом событий Курдистан превращается в главную базу США в регионе. Подобные мысли высказываются в американской прессе. В тоже время события показывают, что попытки американцев найти прочную опору среди иракских арабов достаточно проблематичны. Последние нападения на американских солдат служат тому лучшим доказательством. В то же время, США реально не заинтересованы предпринять ничего, явно противоречащего интересам курдов: такая акция пойдет на пользу Ирану и Сирии и ослабит позиции американцев в самом Ираке. Наоборот, все акции, направленные против соседних режимов, предполагают участие проживающих там курдов и пойдут на пользу США. Нельзя забывать и то, что Курдистан, в силу упомянутых ранее особенностей, является естественным заслоном на пути исламского фундаментализма. Все это позволяет прогнозировать возрастание значения курдов в политике США.

Курдистан и Израиль

Далее следовало бы рассмотреть такую не лишённую интереса тему, как взаимоотношения курдов и израильтян. Теоретически говоря, между нами наблюдается явное совпадение интересов, и оба народа являются естественными союзниками. К сожалению, факторы тактического плана не давали до сих пор полноценно реализоваться потенциам, заложенным в курдско-израильских отношениях. Но что касается курдских движений, то следует отметить, что они, конечно, не могли явно и открыто идти на союз с Израилем, поскольку курды все-таки живут среди арабов и персов и не могут так демонстративно противопоставить себя общественному мнению региона. Израильская же политическая элита придает очень большую ценность союзу с Турцией. Здесь нельзя не вспомнить показательного факта: в конце 2002 г. в Иерусалиме отказались от принятого уже решения об открытии на государственном радио программы на курдском языке, рассчитанной, собственно, даже

не на курдов, а на израильских евреев – выходцев из Курдистана. В чисто человеческом плане следует заметить, что в Израиле проживает довольно большая группа так называемых курдских евреев, которые, в первую очередь, могли бы послужить мостом между двумя народами. Насколько мне известно, многие из них – особенно люди старшего поколения – стремятся посетить родные места, и в настоящее время у них, видимо, появится такая возможность. Курды искренне заинтересованы в справедливом решении палестино-израильского конфликта, который откроет путь для развития всего региона, для взаимовыгодного сотрудничества между народами. Здесь уместно напомнить, что курдское национальное движение всегда имело дружеские отношения с палестинцами и намерено и впредь их поддерживать.

Курдистан и Европа

В Западной Европе курды пользовались постоянной симпатией и поддержкой. Можно привести огромное количество примеров поддержки борьбы курдов на общественном, парламентском и правительственном уровнях; в Курдистане хорошо известны такие имена, как лорд Абердин и, особенно, Даниэль Миттеран, которую зовут «матерью Курдистана». Среди самых последних можно отметить решение шведского риксдага выделить гранты на печатание и распространение в Курдистане книг для детей и юношества общим тиражом в 100 тыс. экземпляров. На этом фоне существовала и политическая деятельность иракской и иранской Демократических партий Курдистана и Патриотического союза Курдистана. ДПК Ирана, как известно, является членом Социалистического Интернационала, тогда как представители моей партии присутствуют на заседаниях конгрессов Социнтерна в качестве наблюдателей. Вплоть до начала 90-х годов преобладали связи в этом – условно говоря «розовом» – спектре, что объяснялось как идеологической близостью, так и большей чувствительностью социал-демократов к проблемам национально-освободительных и повстанческих движений. В настоящее время положение несколько изменилось, и мы имеем одинаково тесные контакты со всеми партиями – от наших старых друзей социал-демократов до консерваторов. Курдские лидеры Масуд Барзани и Джалаль Талабани, неоднократно бывали с визитами во всех европейских столицах, где их принимали на высшем

уровне; наконец, в прошлом году турне по Европе совершил премьер Регионального правительства Нечирван Барзани. То, что в Европе принимали не партийного лидера, а главу курдского правительства, было важным свидетельством признания курдской государственности де-факто. Кроме того, для Европы очень остро стоит проблема мигрантов, значительную часть которых составляют курды. Поэтому многие в европейских столицах понимают, что решения проблемы курдской миграции можно добиться, только если в самом Курдистане исчезнут условия для национальной дискриминации, и курдские регионы получат экономическое развитие.

Курдистан и мусульманский мир

Если из христианских стран подавляющее большинство оказывало и оказывает курдам прямую или косвенную поддержку, то в мусульманском мире это можно сказать только о Ливии. Остальные мусульманские страны относятся к курдам либо безразлично, либо враждебно. Лига Арабских Государств и Организация Исламской Конференции, постоянно принимающие многочисленные резолюции в защиту мусульман Косова, Боснии или Палестины, ни разу ни обмолвились о геноциде мусульман Курдистана. То же самое следует отметить и в отношении мусульман России, чьи представители проявляли «исламскую солидарность» даже с Саддамом Хусейном, и никогда – с курдами. Видимо, с их точки зрения курды также являются фактором, угрожающим единству исламского мира. Правда, правительства Сирии и Ирана в некоторой степени поддерживали отношения с иракскими курдами, используя их в своей политике против Багдада; но не следует заблуждаться – это были чисто тактические ходы. Словом, в отношении стратегическом исламский мир пока враждебен Курдистану и будет стремиться всеми силами воспрепятствовать укреплению курдской государственности.

Курдская диаспора

Касаясь отношения курдов с внешним миром, нельзя умолчать о возрастающей роли диаспоры. Фактически, ныне Европа превратилась в центр курдской культуры, в настоящий Курдистан в изгнании. Особенно это относится к турецким курдам, которые, например, только попав в Германию, смогли

впервые в жизни посетить концерт курдского певца. У курдов Ирана и Ирака не существовало таких проблем, но их проблемы были иного плана – известный провинциализм интеллектуальной и культурной жизни в родных странах. Эмиграция позволила создать новую курдскую элиту, находящуюся на уровне самых передовых достижений Запада. Наконец, вошло в жизнь новое поколение курдов, выросших на Западе, получивших там образование и воспитание, пропитанных западными ценностями. Диаспора является ныне, можно сказать, «генератором идей» для курдского общества. Как уже отмечалось, эти круги очень многим обязаны появлению Интернета. Он резко активизировал возможности интеллектуального общения, и не случайно возникла шутка, что Интернет изобретен специально для курдов. К сожалению, этот потенциал еще не используется в полной мере. Однако с созданием курдского государственного образования ситуация должна измениться, и я надеюсь, что курдистанское правительство возьмет на себя роль культурного представителя всех курдов. Это открыло бы перед курдским обществом огромные перспективы: насколько Курдистан мог бы помогать культурной, общественной и экономической жизни диаспоры, настолько же и диаспора могла бы эффективно лоббировать интересы Курдистана в странах проживания.

Курдистан и Россия

Предпосылки российско-курдского сотрудничества

Может быть, один из самых интересных и важных вопросов для здешней аудитории – это вопрос о Курдистане и России. Следует отметить, что исторические и психологические предпосылки для взаимных отношений существуют самые лучшие. Курды всегда видели в русских своих союзников хотя бы потому, что Россия на протяжении веков вела борьбу с Ираном и Турцией за влияние в регионе. Известно, что еще в 1916 г. главнокомандующий русским Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич поощрял курдского вождя Симко к созданию самостоятельного государства. Благодаря советской оккупации Северного Ирана стал возможен национальный подъем в Курдистане, приведший к созданию Мехабадской республики. После падения Мехабада его защитники во главе с легендарным Мустафой Барзани нашли убежище на советской территории, прожили там 12 лет, получили образование, и многие даже же-

нились; сам Мустафа Барзани, как известно, прошел курс в Академии имени Фрунзе и получил воинское звание генерала. Кстати, дети «русских жен» его соратников в настоящее время заняли видное место в курдистанской элите; к их числу относится, в частности, руководитель аппарата совета министров. После возвращения Барзани и его соратников в Курдистан Россия оказывала им активную помощь как в военном, так и в интеллектуальном и разведывательном отношениях. К сожалению, эти отношения были резко прерваны в 70-е года, когда режим Саддама Хусейна пошел на сближение с Москвой.

Кроме тех людей в Иракском Курдистане, кто отчасти считает себя русскими по крови, следует особо отметить тех, кто – как, например, я – прошли обучение в Советском Союзе и до конца жизни считают себя связанными с этой страной и с русским народом. Наконец, отметим, что в Курдистане, как и во всем Ираке, велось широкое строительство с помощью советских специалистов.

Важно отметить также роль курдской диаспоры в России и странах СНГ – старейшей из всех курдских диаспор. Значительное количество курдов проживало в Закавказье на момент его присоединения к России; особенно же пополнилось их число после Первой мировой войны за счет йезидов, бежавших от османского геноцида. В советские времена закавказские курды получили образование и создали достаточно сильную интеллигенцию, владеющую русским языком как вторым родным; в последнее десятилетие под влиянием кризиса в закавказских странах значительная часть этой интеллигенции переместилась в Россию, прежде всего, в Москву. Главное отличие диаспоры курдов СНГ от других курдских диаспор состоит в том, что она стала органической частью общества страны проживания, полностью в него интегрировалась и впитала его культуру; эта диаспора могла бы послужить хорошим мостом между Россией и народом Курдистана.

Настоящее: отсутствие интереса к Курдистану

Таковы предпосылки. Но как они реализуются? Представительство Регионального правительства уже три года ведет дипломатическую работу, стремясь наладить отношения с общественными силами и государственным руководством России. На этом пути нас ожидали определенные успехи. Однако, в целом, я с сожалением вынужден отметить: ни Россия, ни Кур-

дистан не сумели использовать и сотой доли открывшихся перед ними возможностей. Прежде всего, следует отметить отсутствие стратегического видения проблемы в российских высоких кабинетах. Встречаешься даже с абсолютным непониманием самой проблемы. К счастью, последние события напомнили всем и каждому о наличии в Ираке курдского автономного анклава и собственных курдских лидеров; но до начала войны приходилось начинать свои встречи буквально с объяснения азов: кто мы такие и что собой представляем, а также то, что мы не имеем никакого отношения к господину Оджалану. И это в те времена, когда Масуда Барзани и Джалыля Талабани принимали на высшем уровне во всех европейских и ближневосточных столицах, а также в Вашингтоне! А что прикажете отвечать, когда человек, занимающий высокий пост и считающийся специалистом по Ираку, начинает со слов: «ну, что вам делить – ведь вы же все мусульмане!» Кстати, я слышал и другую версию нашей принадлежности: один довольно известный господин, выступая на телевидении в качестве эксперта, назвал курдов «тюркским народом». Я думаю, это незнание курдского вопроса – результат того, что курдов до сих пор не воспринимали всерьез, они никого не интересовали. Они были фактором, способствующим или замедляющим достижение некоторых целей, которые преследовала российская политика в Турции, Ираке или Иране – не более того. Это, так сказать, служебное отношение к курдам, конечно, не может ставиться в вину только Москве. Долгое время им в равной степени грешили и Вашингтон, и Лондон. Однако в последнее время, как я старался показать, там окрепло понимание значимости курдского фактора как совершенно самостоятельного фактора мировой политики, причем такого, роль которого будет неуклонно увеличиваться со временем. Официальная же Москва, по моим наблюдениям, в значительной степени осталась в плену старых подходов.

Некогда русские ученые были пионерами курдоведения. Сейчас же экспертные заключения по курдам делают либо арабисты, либо тюркологи, которые глядят на них, естественно, глазами своих источников: арабских или турецких авторов. Последствия очевидны, даже если они не достигают таких анекдотических масштабов, как версии арабского или тюркского происхождения этого этноса. Я уже не говорю о создающемся иногда впечатлении, что среди российской элиты действует

некое общество дружбы с арабскими диктаторами под почетным председательством одного известного академика. Члены этого общества, во-первых, считаются главными экспертами по Ближнему Востоку, а во-вторых, отличаются совершенно поразительной неадекватностью восприятия, что они с блеском продемонстрировали накануне и во время иракской войны. На протяжении месяцев они рассказывали, как иракский народ любит своего вождя и как он, в едином порыве, даст достойный отпор американским агрессорам. Сейчас же они объясняют, что их предсказания были совершенно правильными – вот только иракцы подкачали... Для людей с таким складом ума курдский фактор – что-то крайне неприятное, внушающее чувство дискомфорта, его они стараются не замечать, поскольку не в их воле его отменить. Что же касается тех российских политиков, которые обладают вполне современными взглядами, то они, к сожалению, больше интересуются Западом и фактически не обращают внимания на Ближний Восток, оставляя его, так сказать, в монопольное владение друзьям хусейнов.

Слабость российского курдоведения

Но если какой-то российский политик всерьез заинтересуется курдским вопросом, то, что может представить ему российская научная мысль? Как я уже сказал, российские ученые были пионерами курдоведения; это напрямую связано с колониальной активностью России в начале XX в., когда курдский фактор в высшей степени учитывался в составлявшихся в Петербурге планах. Крупнейшие русские курдоведы были, собственно, людьми дореволюционной школы, хотя многие из них долгое время трудились и в советскую эпоху. Второй всплеск интереса к курдам наблюдался в эпоху советской поддержки движения Барзани, то есть в 60-е годы. Но здесь тема оказалась идеологически ангажированной, и в курдоведение пришли специалисты по антиимпериалистической борьбе, которые стали заниматься самым простым делом: приспособлять факты, вычитанные из курдских газет и брошюр, к официальным формулам и клише. Истинной картины процессов, происходящих в курдском обществе, они, конечно, не могли дать даже при желании – просто потому, что сами их не представляли. Конечно, это не касается таких заслуженных ученых, как наш уважаемый друг Михаил Семенович Лазарев. Это, однако, не

влияет на нашу общую оценку состояния российского курдоведения.

В общем, приходится с горечью признать, что в настоящее время Курдистан вызывает гораздо большую заинтересованность в России, чем она – в нем. Однако мы надеемся, что эта ситуация переменится к лучшему.

Выводы и рекомендации

Какие же практические выводы можно сделать из всего вышесказанного? Прежде всего, мы советуем оставить какой-то панический страх перед курдами, представление о курдском факторе как о чем-то, к чему опасно подходить близко. Курдский вопрос представляется чем-то вроде мины: вдруг взорвется, если притронуться? И вместо того, чтобы разрядить мину и жить спокойно, ее стараются обходить, и все равно не могут получить успокоения, потому что боятся любого неверного движения. Есть еще представление, что он, может быть, как-то образуется сам собой. Это мне напоминает сцену из старого советского фильма. Там герой кричит жене, которую увозят в роддом: «не бойся, может быть, еще рассосется!»

На наш взгляд, к курдскому вопросу следует относиться со всей серьезностью, и не как к чему-то вспомогательному и побочному, а как к одному из ключевых вопросов наступающего столетия. Следует серьезно помнить, что курды – это не племя и не этнографическая группа, а сорокамиллионное сообщество, имеющее естественные притязания на подобающую ему политическую роль. Поэтому необходимо наладить полноценное экспертное изучение курдского фактора. Для разрешения этого запутанного вопроса, необходимо тесное сотрудничество всех ведущих государств мира – России, США, Великобритании, Франции и других стран, сотрудничество, основанное не на узко понимаемых своекорыстных интересах, а на широких идеалах создания стабильного, безопасного и демократичного мира. На мой взгляд, необходима международная конференция по курдскому вопросу. И инициатором проведения такой конференции вполне могла бы выступить Россия.

К ИСТОРИИ КУРДСКОГО ВОПРОСА В ТУРЦИИ

Курдский вопрос по сей день остается самой важной внутриполитической проблемой в Турции. Ее острота вызвана тем, что на протяжении практически всей новой истории Турции властями отрицался факт существования в стране значительного этнического меньшинства – курдов (приблизительно 22% населения страны). Основная часть курдского этноареала (около 50%) расположена на востоке и юго-востоке Турции, формируя так называемый Турецкий Курдистан. Само это понятие носит условный характер. Как пишет М.С.Лазарев, «Курдистан – понятие этнографическое и в большей степени неопределенное. У него отсутствуют географические фиксированные границы, ибо никогда не было такого государства «Курдистан»¹.

В самой Турции район компактного проживания курдов называется «Гюней-Догу» – юго-восток, имеющий скорее экономико-административную характеристику. В этот район, и по сей день остающийся заповедником экономической отсталости, входят илы (турецкие провинции) Адьяман, Батман, Газиантеп, Диярбакыр, Мардин, Сиирт, Урфа, Ширнак и Килис. Помимо этих провинций, курды более или менее компактно проживают в таких илах, как Агры, Бингель, Битлис, Ван, Каре, Муш, Тунджели, Элязыг, Эрзинджан, Эрзурум, которые по административно-географическому делению относятся к Востоку Турции.

Определить точную численность этнических курдов в Турции, то есть, тех, кто сам себя считает и называет курдом, представляется весьма затруднительным. Последний раз перепись населения, в которой был задан вопрос о родном языке, благодаря чему можно было бы это сделать хотя бы приблизительно, проводилась в 1965 г. Тогда на вопрос о родном языке 7,1% населения заявили, что таковым для них является курдский. При этом 12,7%, или 2,37 млн. чел. указали, что он

является для них вторым языком или что они его знают. Однако при этом эти 12% могли включать и этнических турок, и армян, и арабов, которые, проживая в соответствующем этноареале, могли знать курдский язык. Точно также в переписи не учитывались как говорящие на курдском те этнические курды, в основном проживающие в крупных городах, которые не знают курдского языка ввиду их полной ассимиляции.

Среди специалистов до сих пор нет единого мнения относительно численности курдофонного населения Турции. Согласно данным, которые приводит Мерхад Изади, в 1990 г. курдское население Турции составляло 13,65 млн. чел., или 24,03% всего населения страны². Турецкий социолог Сервет Мутлу оценивает курдское население на 1990 г. в 7,046 млн. чел., или 12,6% всего населения³, но это число явно занижено. Согласно данным переписи населения 1965 г., примерно пятая часть курдов проживала в более развитых западных районах. В 1990 г., по нашим оценкам, в результате естественной или вынужденной миграции это соотношение составило один к трем.

Многими исследователями курдский вопрос рассматривается как некая историческая категория и политическая проблема, требующая определенного ответа. В.Никитин еще в предисловии к своей книге «Курды», вышедшей в 1943 г. в Париже, писал, что исследование судеб курдов определяется бесспорными политическими злободневными интересами⁴, что демонстрируется и в наши дни. Достаточно в какой-либо связи вспомнить о курдах, как тут же упоминается тот факт, что это – крупнейший этнос на земле, лишенный собственной государственности.

Само понятие «курдский вопрос» существует и вне контекста Турции, являясь фактором политической жизни других государств Ближнего Востока, где также проживают курды, – Ирака, Ирана и Сирии. Конкретным проявлением курдского вопроса в регионе стала борьба курдов за предание определенного политического статуса своему народу (независимость, автономия, федерация).

Во всех четырех сопредельных странах острота и конкретные проявления курдского вопроса существенно отличаются. Так, в Ираке, во многом благодаря вмешательству западных держав, а также в связи с определенными консолидационными процессами было создано курдское автономное самоуправле-

ние, которое в последнее десятилетие существования режима Саддама Хусейна (1992–2003 гг.) имела признаки экономически и частично политически независимого анклава. В Иране проблема курдов носит менее острый характер, ибо в последнее время правительство создает некоторые условия для социально-культурного развития курдского региона.

По сути, политический аспект курдского вопроса наиболее актуален сейчас для Ирака и Турции, а в последнее время и для Сирии. Это и не удивительно, ведь именно на эти страны географически приходится подавляющая часть региона расселения курдов.

Если суть курдского вопроса составляет предание именно политического статуса курдскому народу, то и рассматривать его необходимо как вопрос политический. М.С.Лазарев предлагает рассматривать курдский вопрос, в первую очередь, и как историческую категорию, возникшую «еще в средневековую историю, когда первые курдские эмираты, появившиеся на ближневосточной арене, заявили о своем праве на суверенное существование»⁵.

Разительно отличается собственно определение «курдского вопроса» в самой Турции и за ее пределами. Если за рубежом чаще всего данное определение подразумевает, как указывалось выше, предание политического статуса курдскому меньшинству в Турции (независимость, автономия и т.д.), а также обеспечение его элементарных прав как этнического меньшинства (разрешение образования на родном языке, публикация курдских периодических изданий, политическое представительство в органах власти и т.д.), то в самой Турции курдский вопрос зачастую связывается с сепаратизмом, терроризмом, борьбой за создание независимого Курдистана, а также с рядом экономических проблем, а именно: с экономической диспропорцией между западом и востоком страны – наиболее отсталым районом Турции. В этом видится стремление властей уйти от этнического аспекта курдского вопроса и искать его причины в экономической отсталости районов компактного проживания курдов. Более того, в Турции проблема чаще именуется не «курдским вопросом», а проблемой «Юго-Восточной Анатолии».

Именно политический аспект курдского вопроса в Турции стал причиной вооруженного конфликта на востоке страны, который то утихал, то разгорался вновь в течении 15 лет, с 1984

г. по 1999 г., т.е. до тех пор, пока лидер курдских повстанцев Абдуллах Оджалан не был пойман турецкими спецслужбами. В 1999 г. он был приговорен к повешению, однако после окончательной отмены смертной казни в Турции в 2004 г., приговор скорее всего будет заменен пожизненным заключением.

Резкое обострение курдского вопроса в Турции произошло с начала 80-х годов, через некоторое время после последнего на настоящий момент военного переворота. Турция, не обладающая сложным этническим составом населения, оказалась в центре трудноразрешимого конфликта, связанного, в первую очередь, с террористической деятельностью курдских повстанцев, направляемых созданной в середине 70-х Абдуллой Оджаланом и его соратниками из Рабочей Партии Курдистана – РПК (в Турции более известна ее аббревиатура на курдском языке – РКК, *Partiya Karklaren Kurdistan*). Достаточно сказать, что уже в середине 90-х годов на востоке страны, где исторически компактно проживали курды, этот конфликт уже носил характер настоящей гражданской войны. В середине 1995 г. на Юго-Востоке было сосредоточено примерно 250–300 тыс. военных, что составляет почти треть общей численности вооруженных сил страны⁶.

Непосредственные затраты на борьбу с курдскими повстанцами, численность которых в указанный период составляла примерно 10 тыс. (по другим данным – до 50 тыс.) чел., достигли примерно 3% ВВП Турции⁷. В результате военных действий за все время вооруженного конфликта как регулярными войсками, так и сторонниками Абдуллы Оджалана было разрушено около 2 тыс. деревень и поселений. Около 2 млн. беженцев-курдов были вынуждены мигрировать на запад страны, в основном в крупные промышленные города, где они только пополнили армию безработных. Летом 1996 г. газета «Миллиет» приводила данные о том, что около 80% молодых курдских мигрантов не смогли найти работу в западных провинциях страны, а также в крупных городах на востоке Турции.

В 1987 г., ввиду обострения конфликта в десяти провинциях на Юго-Востоке страны (Ван, Битлис, Тунджели, Диярбакыр, Сиирт, Бингель, Батман, Хаккяри, Ширнак, Мардин) было введено чрезвычайное положение, подразумевавшее присутствие значительного контингента вооруженных сил, создание системы так называемых сельских стражей из числа местного населения, а также всевозможные ограничения свободы слова. В каждой области назначался губернатор с широкими полномо-

чиями. Режим чрезвычайного положения сохранялся в этих районах в течение 15 лет и был полностью отменен только в 2003 году.

В период президентства Тургута Озала (1989–1993 гг.) в отношении курдского вопроса в позиции властей произошли значительные изменения. Был снят запрет на пользование курдским языком, легализована одна курдская политическая партия (Демократическая Трудовая Партия – ДЕП). Меры эти, однако, носили половинчатый, незавершенный характер, ибо не могли снять остроту накопившихся проблем. Тем не менее, с началом дискуссии по вопросу будущего курдов был выпущен из бутылки джинн, и его было весьма непросто загнать обратно. К тому же в правящей верхушке не было полного единства относительно путей разрешения конфликта. Представлялось, что президент предпочитал выдавать свободу малыми дозами и малыми темпами, с оглядкой на военных. Это период можно охарактеризовать как период упущенных возможностей, когда стороны вплотную подошли к возможным формам его разрешения. Это выражалось в желании ПКК идти на диалог, когда центральное правительство стало действовать через посредников в поиске политического решения. Однако в последующем правительство, возглавляемое Тансу Чиллер, пошло на драконовские меры подавления повстанцев, рассматривая любые уступки сепаратистам как предательство национальных интересов страны.

Действительно, жесткие меры правительства по подавлению сопротивления курдских повстанцев имели своей целью пресечь возможное расчленение страны, не допустить эскалации сепаратизма. Однако реальность не давала возможности теперь просто игнорировать курдский фактор. Как бы то ни было, но отношение к курдскому вопросу стало элементом политической культуры Турции. Одной из основных характеристик этого отношения является, как отмечалось выше, смещение акцентов с обеспечения элементарных прав этнического меньшинства на недопустимость развития сепаратистских тенденций, к которым ведет повышение роли этнического фактора в обществе. Несмотря на многочисленность курдского населения, развитость его самосознания, наличие легальных прокурдских политических партий, в заявлениях политических элит наличие в Турции курдского вопроса зачастую сводится к проблеме терроризма либо попросту умалчивается. Примечатель-

но, что бывший премьер-министр Бюлент Эджевит вскоре после ареста Абдуллы Оджалана заявил, что «обезвреживание главного курдского террориста и есть решение курдской проблемы»⁸.

В наши дни наметилась стабилизация ситуации на Юго-Востоке страны. Следуя указаниям находящегося в заключении на острове Имралы Абдуллы Оджалана, PKK полностью отказалась от вооруженной борьбы и сосредоточила свою деятельность на политической агитации. С этой целью в апреле 2003 г. партия была переименована в Курдский Демократический Конгресс (КАДЕК). Примечательно, что в турецкой прессе на это событие не отреагировали практически никак, и до сих пор эта организация именуется в масс-медиа как и раньше – Рабочая Партия Курдистана. Основным фактором, повлиявшим на смягчение позиций властей в отношении курдского вопроса, стала позиция европейских правозащитных организаций, которые жестко увязывают вступление Турции в ЕС (чего Турция добивается вот уже многие годы) с демократизацией ее позиции в курдском вопросе. В июле 2003 г. в Анкаре проводился первый научный симпозиум по проблеме курдов, на который были приглашены представители всех политических партий страны. Представлены были, правда, не все, а в основном оппозиция. Правящие партии посчитали предосудительным посылать своих представителей на обсуждение неприятного для Турции этнического вопроса. Тем не менее, в том же году было разрешено вещание на курдском языке, а также частное начальное образование. Летом 2003 года власти объявили амнистию всем боевикам PKK. Однако, несмотря на это, представители запрещенной прокурдской Демократической Трудовой Партии (в 1994 г., после ее запрета, партия была переименована в Демократическую Народную Партию – ХАДЕП), – Лейла Зана, Хатип Диджле, арестованные по весьма спорному обвинению в связях с сепаратистами, а также за произнесение депутатской клятвы на курдском языке, – все еще находятся в заключении. Тем не менее, в настоящее время можно констатировать, что проблема урегулирования курдского вопроса – этой важной для Турции этнонациональной проблемы – сдвинулась с мертвой точки.

Одной из главных причин обострения курдского вопроса в Турции является реакция на крайне идеологизированную форму турецкого национализма, отрицающего факт существования

в стране этнического меньшинства. Согласно статье 66 конституции 1982 г., всякий гражданин Турции является турком, независимо от его этнического происхождения. В то же время становилось очевидным, что курдский национализм имеет место на политической арене, и просто игнорировать его стало невозможным.

Анализировать национализм в среде курдов – дело сложное и во многом неблагодарное. Если делать выводы, основываясь на исторических фактах, то обязательно окажется, что в такой сложной сфере, как национальные или этнические противоречия более или менее объективная историческая правда является взаимоисключающей, поскольку та или иная сторона, претендующая на некую истину, так или иначе отстаивает свои националистические позиции, и, как следствие, политические интересы. В этой связи некоторые интересы вызывают скорее более отстраненные научные умозаключения, которые оперируют не столько историческими, сколько политологическими категориями. Ведь именно национализм, как никакое другое явление в политической сфере, обращается в первую очередь к мифологическому сознанию, нередко наделяя концепцию «нации» излишней пафосностью, выделяя этот ресурс в качестве основного источника политической власти вообще. В случае с турецкой политической традицией этот довод кажется весьма актуальным.

Уникальность курдского национализма, а именно тот факт, что курды – крупнейший этнос на земле, не имеющий собственной государственности, вызвала и вызывает отклик сочувствия, оправдывает мнение о том, что курды находятся в некоем перманентном революционном состоянии, представляют широкий спектр политических и иных движений, в рамках которых могут уживаться разнообразные левые идеологии или мировоззренческие концепции – от марксизма до антиглобализма.

Сложность подхода к анализу курдского национализма заключена в нескольких объективных обстоятельствах. Во-первых, это слабая изученность этногенеза курдов, их антропологических характеристик. Не случайно, В.Никитин писал, что указанные критерии в применении к курдам носят условный характер. В турецкой официальной науке этот довод никем не оспаривается, хотя открывает дорогу всевозможным околонучным или пропагандистским спекуляциям

Во-вторых, это и по сей день спорное определение курдского народа в качестве нации. Для одних неизменным остается только постулат о том, что курды являются нацией, и этот факт наделяет его представителей ощутимой политической легитимностью. Другими словами, для курдских националистических движений есть некая сугубо мифологическая цель, которая является высшим оправданием не только их существования, но и их притязаний на создание независимого государства. Для других – утверждение того, что курды являются нацией без государства, лишено смысла, поскольку сам термин «нация» представляется функциональным по отношению к государству, существующему в рамках признанного международного права.

После прихода к власти младотурок в 1908 г. и конституционной и парламентской реформы в Турции, началось формирование первых курдских независимых политических институтов. Процесс этот был инспирирован в основном молодыми представителями курдской знати, обучавшимися или проходившими службу в Стамбуле и других крупных городах.

Энергия нового поколения активистов, которые пытались разбудить национальное самосознание соотечественников путем политической агитации с целью завоевать как можно большее число сторонников среди населения, была направлена в первую очередь на исследование языковых, культурных, социальных и исторических черт недоминирующей группы, на закрепление этих фактов в сознании курдов. Однако они не настаивали на том, что восполнение таких пробелов представляет собой специфическую национальную потребность. Более того, они не употребляли термин «нация» в отношении курдов.

Социальная принадлежность и распределение по территории страны ведущих патриотов и агитаторов, роль языка как символа и способа самоидентификации, роль театра, музыки, фольклора, кинематографа, выдвижение или невыдвижение требований гражданских свобод, значение исторического сознания, состояние школьной системы и уровень грамотности членов этнической группы, влияние религии, вклад женщин как активисток и символ его зрелости – все это становится аспектами широкого понятия национальной агитации.

Но если мы проанализируем национальную агитацию того периода, то поймем, что она, по сути, была обращена к тем членам недоминантной этнической группы, которые имели

возможность пользоваться наилучшими каналами такой коммуникации. Регионы с наиболее развитой сетью коммуникации были наиболее восприимчивы к подобной агитации. Патриархальный анклав Юго-Восточной Анатолии, где собственно и проживают курды, в лучшем случае был затронут этим процессом при восстании шейха Сайда (1925 г.). Он являлся областью минимальной социальной мобильности, очень слабо связанной с рынком и малограмотной.

Вместе с тем, после прихода к власти Мустафы Кемалю в Турции в рамках новой национальной идеологии нация понималась как высший источник ценностей для турок, бывших в составе Османской империи. Главная идея Зии Гекальпа, главного теоретика турецкого национализма (не без влияния Дюркгейма), по сути, заключалась в том, что ценности и источники власти, которыми наделена религия, передавались нации. Следует отметить, что на начальном этапе существования Турецкой Республики имперская политика римского порядка, нацеленная на превращение подданных империи в единую однородную массу, не была свойственна Мустафе Кемалю. Однако именно эта политика (гарантирующая гражданское равноправие, декларирующая небывалые свободы, конец господства класса над классом) была уготована курдам сразу после поражения восстания шейха Сайда в 1925 г. Напомним, что еще во время Первой мировой войны, когда идея национального возрождения представлялась основной целью, способной преодолеть вселенскую катастрофу, – а именно так представлялась для турок крушение Османской империи, – Мустафа Кемаль провозглашает свой «Национальный Обет», который во многом спонтанно очерчивает границу будущего турецкого государства. Причем, у турок не было сомнения в лояльности курдских элит. Как свидетельствуют источники того времени, во времена оккупации «вся азиатская Турция встала на сторону национальной армии, объявившей войну не на жизнь, а на смерть»⁹.

Идея «единства религии и нации» перед лицом общего врага находила в тот период горячий отклик в среде курдов, которые оказывали Мустафе Кемалю весомую поддержку. Однако позднее практические действия турецких националистов дали курдам понять, что с их собственными национальными интересами никто считаться не будет. Это стало главной причиной нескольких восстаний, самым крупным из которых было восстание упоминавшегося шейха Сайда в 1925 г., подготов-

ленного при участии созданного двумя годами ранее Комитета независимости Курдистана («Азади»).

Как отмечает Роберт Олсон, тот факт, что восстание носило религиозный характер, является результатом выбора Комитетом единственно возможной на тот момент стратегии, когда националистическое по своей сути восстание проходило под лозунгами и символами религиозного движения. О том же говорит и Ван Брюйнессен, отмечая при этом, что и у членов «Азади», и у курдских шейхов была одна цель – создание независимого Курдистана¹⁰. В любом случае, в тот период националистическая доктрина нового турецкого государства вступила в противоречие с интересами и чаяниями курдского народа.

Однако, как представляется, само это противоречие выразилось, в первую очередь, в противопоставлении сильной доктрины турецкого национализма и слабой доктрины курдского национализма. В чем же заключалась основная особенность турецкого национализма? В основе этой концепции лежала идея верховной власти народа без оглядки на свое историческое прошлое, когда любые намеки на османское наследие (включая даже алфавит и стиль одежды) были сметены Мустафой Кемалем до основания. Однако же есть у турецкой революции и одно существенное отличие от французской, где определение границ новой нации происходило не то чтобы спонтанно, но в рамках пределов, установленных природой. Определение нации было заимствовано из материального мира, и, по выражению Актона, во избежание территориальных потерь представлено не только абстракцией, но и произвольным вымыслом.

Основная идея турецкого (как любого другого) национализма заключается в том, что нация существует издавна. Ее историю можно проследить через века. В некоторый период истории эта нация знала свое величие, и прежние ее герои и золотой век должны вдохновлять героев нынешних. При этом национализм видоизменяет мифы и игнорирует те, что идут вразрез с его собственными целями.

В Турции же воля нации есть по сути своей божественный промысел, и разница между национальностью и государством проявляется в природе патриотической приверженности. Показательны в этой связи слова Зии Гекальпа: «Ценности, которым привержен индивид, не зависят от его чувств и желаний».

Но он всегда находится под воздействием этих ценностей. Когда человек приходит в мир, он не несет в себе заложенные кем-то выше идеи и ценности. Он приобретает их в процессе обучения и общения с внешним миром. Общество, как и человек, не приобретает их извне. Единственным источником этих ценностей служит само общество»¹¹. Утверждая принцип создания общей, универсальной культуры, это общество теперь не потерпит роста субкультур со своими контекстами, отчужденных стеной взаимного непонимания. Далее, если брать во внимание существующую социальную структуру традиционного курдского общества, то племенная принадлежность есть, по сути, результат действия природных сил, в то же время наш долг в отношении нации, как к политическому объединению, есть долг этический. Общность природных привязанностей и инстинктов, на определенном уровне весьма важных, приличествует скорее не цивилизованному человеку, а животному. А мы, турки, утверждаем главенство закона, налагающего обязательства и придающего естественным отношениям общества характер нравственного согласия. Патриотизм заменяет по своей сути веру в религию. По сути, сущностью его является перерастание инстинкта самосохранения в нравственный долг. Противопоставление власти духовной – власти светской, национальной. Если раньше высшей ценностью был для нас Бог, то теперь – нация, то есть высшая цель, выраженная через жертвенность политическими средствами.

Мустафа Кемаль в иерархии ценностей вывел одну, не свойственную им доселе, идею жертвенности. Другими словами, оправданием существования нации может быть лишь самоконтроль, лишь самоотвержение и самопожертвование. Человек, который ставит свой долг перед родиной выше других обязанностей, по сути, передает все свои права нации. Право стоит выше власти. Право жертвы передавалось новому сакральному божеству – нации.

Итак, политический строй выдвигает моральные цели, ради которых необходимо принести в жертву не только интересы, но, подчас, и самую жизнь... Перерастание естественного эгоизма в жертвенность – есть величайшее проявление подлинного патриотизма, т.е. продукта политической жизни...

Само понятие нации (в нынешнем, современном виде) может быть принято только (и также) через жертвенность. Это – доктрина Кемала. В то же время традиционное сознание кур-

дов все еще существует в рамках религиозного разделения «Дар-уль-Ислам – Дар уль-Харб». Объединяющее нас (турок и курдов) начало – ислам, общая религиозная традиция отринута Кемалем во имя сакрализации нации – для традиционного сознания идеи абсолютно химерической, безбожной, враждебной. Отсюда происходит реакция отторжения на чувственном уровне тех новшеств, которые были введены Мустафой Кемалем сразу же после национально-освободительной войны.

То есть, при всем негативизм, который вызывает провозглашаемый курдскими националистами террор, и восстание шейха Сайда в 1925 г., и развязавшая террор Партия Рабочих Курдистана – это политическая сила, которая организует общность людей в состояние нравственного порядка перед лицом наступающего хаоса. Приемлемыми идеологиями в таких движениях могут стать лишь те, которые апеллируют к познанию с помощью откровения. Для шейха Сайда таковой была идея Дар уль-Ислам, совмещенная с идеей независимого Курдского государства, а для Оджалана – марксизм.

По замечанию турецкого исследователя Метина Токера, восстание шейха Сайда, а также последовавшее восстание араратских и дерсимских курдов в начале и середине 30-х годов дали понять, что радикальные реформы могут осуществляться только путем жесточайшего подавления оппозиции или не осуществляться вовсе.

Курдское восстание развязало Мустафе Кемалю руки. После расправы с курдскими повстанцами были заложены основы тех репрессивных методов, которые будут в полной мере отработаны 70 лет спустя. Как писал Олсон, именно под влиянием восстания шейха Сайда было сформирована убежденность, что националистические требования 10% населения могут не учитываться, если речь идет о 90% турок, стремящихся к реализации своей национальной идеологии¹².

Успехи при подавлении мятежей во многом помогли созданию образа турецкой армии «как гаранта конституции и национальной целостности». Причину острого политического кризиса, которым являлся курдский вопрос, и его следствие – восстание Шейха Сайда, было удобнее полностью подавить при помощи весьма эффективной военной машины.

Возросшую роль и авторитет армии после подавления восстания прямо подтверждает обращение Ататюрка к нации в этой связи: «От имени всей нации я хочу выразить признание и

благодарность за успешное руководство сопротивлением Генеральному штабу, лично его командующему маршалу Февзи Чакмаку... Я уверен, что и в дальнейшем для обеспечения нашего свободного развития и защиты от посягательств наших врагов по первому же призыву государства мы, наши дети и последующие поколения, оставив свои дела, встанут под ружье для защиты нашей Родины»¹³. В любом случае, для решения курдского вопроса необходимы научные доказательства, позволяющие распространить сакральное понятие нации и на курдов, создать для этого прочную мировоззренческую базу.

Так, начиная примерно с 30-х годов прошлого века, в Турции, после подавления серии крупных курдских восстаний на востоке страны, пытались научно обосновать явно политическую гипотезу о том, что курды являются на самом деле ветвью тюркской расы, или «горными турками». В одной брошюре – «Курдское измерение. 101 вопрос», изданной после военного переворота 1980 г., в первой главе утверждается следующее: «Курды не являются отдельной от турок расой. Их происхождение идентично»¹⁴.

Более того, в своем капитальном труде «Турецкая история» турецкий историк доктор Рызы Нури утверждает, что курды вообще относятся не к индоевропейской, а к тюркской расе, которая именуется Туранской: «Мы, турки, приходим из расы Туранов. Все Тураны и есть турки. Издревле тюрки состояли из разных племен, которые мы называем «семьями» (uruklar). На земле осталось много таких тюркских семей. Некоторые из них изменили названия, некоторые распались, некоторые смешались друг с другом, а некоторые сформировались заново. Курды – из числа последних». Другими словами, надо полагать, что не просто тюркская ветвь, а мифическая туранская раса существовала на месте нынешнего проживания курдов, т.е. за долго до появления самих тюрков.

Одной из главных особенностей так называемого воинствующего национализма является мифологизация прошлого, наделение его какими-то сверхъестественными формами, которые в других научных исторических школах могут просто не укладываться в сознание ученого. Весьма популярная в турецких научных кругах туранистическая концепция этногенеза настолько же очевидно имеет мифогенную основу, насколько в высшей степени отвечает особому национальному сознанию, причем весьма специфическому. Приведу дословный перевод

такого пассажи: «За несколько тысяч лет до прихода в Анатолию Огузов в качестве турок, принявших ислам, они (огузы) проникли на территорию Анатолии в качестве шумеров, гуннов и других огузских племен». С такой же претензией можно, например, утверждать, что история российского государства ведет свое летоисчисление от гипербореев.

Тем не менее, данный посыл лишен иронии, поскольку, по сути, именно так в Турции и обосновывалась, во всяком случае, до недавнего времени теория протюрков, проживавших здесь до прихода собственно тюркских племен. Термин «прототюрки» употребляется и в западной, и в отечественной литературе, однако под ним подразумеваются «кочевые племена, вышедшие из Средней Азии и сохранившие определенные характеристики и следы принадлежности к тюркской расе»¹⁵.

В основе туранистической концепции, из-за отсутствия опять-таки точных научных данных о происхождении курдов, лежит, скорее, важный для этой теории методологический посыл о том, что поиск корней того или иного этноса крайне ошибочно искать на месте их нынешнего компактного расселения. В качестве примера приводятся турки, которые проживают в Малой Азии, а на самом деле являются выходцами из Средней Азии, имея этнически близкие группы далеко за ее пределами. Зачастую приводится также довод и том, что и курды, «несмотря на их компактное расселение на территории бывшей Верхней Месопотамии, имеют этнически близких сородичей и в Азербайджане, и в Средней Азии, и в Иранском Хорасане. Однако ни в одной точке на карте курды не живут отдельно от тюркских племен»¹⁶. Последнее утверждение для турецкой официальной науки очень важно в контексте того, что в тысячелетней истории человечества невозможно с полной уверенностью установить происхождение какого-либо сообщества.

Однако в сознании турок курды не рассматриваются как некое «инородное тело» в национальном организме страны, своего рода «проклятие» наподобие того, как в сознании некоторых русских представлены сейчас, например, чеченцы. Курды, и с точки зрения официальной турецкой идеологии, и с точки зрения обычного турка являются (или, во всяком случае, должны быть) интегрированным единым организмом и вместе с турками представлять единую нацию, существующую в рамках одного государства. То есть турецкая нация представляется неоднородной только с точки зрения этнического происхож-

дения, но она однородна, как единый организм, единое государство. Поэтому и термин «нация» неразрывно связан с термином «единое государство». В турецком языке эти два понятия лингвистически абсолютно идентичны: слово «millet» одновременно означает и нацию, и народ. Другое, реже упоминаемое, слово «ulus» также означает нацию, но лингвистически восходит к староосманскому языку и означает некое большое сообщество, объединение племен, т.е. «нацию-государство», и использовалось, так сказать, в более политическом смысле.

Поэтому доказывать, что курдский национализм, как любой другой национализм (с точки зрения общеевропейской политической традиции, наряду, например с баскским или ирландским, явление вполне нормальное и не такое уж вредное) турку совершенно бессмысленно хотя бы потому, что, с его точки зрения оно просто противоречит здравому смыслу. Но вместе с тем, во многом благодаря сильной доктрине турецкого национализма, с этого момента идея нации, национальная самоидентификация курдов, также начинает пониматься через жертвенность. То есть, результатом подавления восстания шейха Сайда стало то, что в сознании курдов начала формироваться новая политическая традиция на основе которых национальные притязания не будут так тщетны и пагубны.

Правомерно ли в политическом контексте Турции утверждение того, что умеренный национализм – это осознание четкого различия между страной, к которой довелось принадлежать (Курдистан, Шотландия, страна Басков), и той, которая осуществляет по отношению к нам политические функции государства (Турция, Великобритания, Испания)? В иерархии ценностей европейских держав национализм англичан, например, уравнен с национализмом шотландцев. В Турции утверждению той иерархии, при которой курдский национализм уравнен в сознании людей, относящих себя к этому этносу, с национализмом титульной нации, осуществляющей по отношению к ним свои политические функции, было отказано полностью. Нет, умеренного национализма при таком режиме и при таком стечении обстоятельств существовать не могло. Могут ли существовать под одной «национальной крышей» народ, едва вышедший из дикого состояния, и народ, расслабленный избытком и роскошью своей цивилизации? Или же народ может быть превращен в действительно свободное общество

лишь путем соприкосновения с расой более высокой организации?

¹ М.С.Лазарев. Курдистан в геополитическом аспекте. «Восток» № 6 1998.

² M.Izady. The Kurds. A Concise Handbook. 1992 Washington, с. 14.

³ Servet Mutlu. Population of Turkey by ethnic groups and provinces. «New perspectives on Turkey». Spring 1995 № 12, с. 35.

⁴ См. сокращенный русский перевод: В.Никитин. Курды, М. 1964, с. 41.

⁵ История Курдистана. М. 1999, с. 14.

⁶ Turkey. Human rights Report 1995. (Washington, DC. US State Department, 1995).

⁷ Middle East Journal. Vol. 51 No 1, Winter 1997. Henry J. Barkey and Graham E.Fuller. Turkey's kurdish question: critical turning point and missed opportunities, с. 59.

⁸ Итоги. 02.03.1999, с. 28.

⁹ Палович М. Революционная Турция. М. 1921, с. 23.

¹⁰ Martin van Bruinessen. Kurtluk, Turkluk, Alevilik. Etnik ve Dinsel Kimlik Mucadeleri. 1st 1999, с. 67.

¹¹ Ilkay Sunar. State and Society in the politics of Turkey's development. 1983.

¹² R.Olson. «The Emergence of Kurdish Nationalism and the Sheikh Said Rebellion» 1880–1925. Austin.

¹³ Halil Şimşek. Geçmişten günümüze Bingöl ve Doğu ayaklanmaları. Ankara 2001, с. 34.

¹⁴ Turklerin kurt boyudu. 101 soruda. Ankara 1982, с. 3.

¹⁵ Laszlo Rasonyi. «Tarihte Turkluk» Ankara 1977, с. 37.

¹⁶ АН Таяуар Under. Turkiye'nm etnik yapisi. 1st. 2002 стр. 107?

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ КУРДИСТАНА В 80–90-х ГОДАХ XX в.

Подписанный 24 июля 1923 г. Лозаннский мирный договор разделил этногеографический Курдистан на части между Турцией, Ираком, Ираном и Сирией. Турции отошла его большая часть (51%), равная по площади 224 тыс. кв. км, что составляет около 1/3 современной турецкой территории (Турция занимала 779,4 тыс. кв. км). Первоначально правительство Кемала Ататюрка сотрудничало с курдами, но впоследствии кардинально изменило к ним свое отношение. Вторая половина XX в. в истории Турецкой Республики ознаменовалась подъемом национально-освободительного движения турецких курдов, основная заслуга в котором принадлежит Рабочей Партии Курдистана, ставшей в дальнейшем самой крупной партией, когда-либо созданной курдами.

Период 1960–1980 гг. в истории Турции принято назвать «Вторым этапом Турецкой Республики». 27 мая 1960 г. в стране произошел военный переворот, который сверг режим президента Д.Баяра и премьер-министра А.Мендереса. К власти пришел Комитет национального единства (КНЕ), принявший в 1961 г. новую конституцию, отменив тем самым конституцию 1924 г. Члены КНЕ определили Турецкую Республику как «социально-правовое государство», с многопартийной системой управления. В экономическом секторе предполагалось провести аграрную реформу, допускалась возможность национализации частных предприятий. Тем не менее, экономический кризис удалось приостановить лишь на непродолжительный период, так как политическое противоборство либеральных партий и партий, выступающих за этатизм, тормозило развитие экономического сектора в целом. В данный период политическое самосознание населения Турции стало возрастать, что привело к появлению различных партий и организаций, которые стали выражать свое недовольство политикой проводимой правящими кругами. Помимо собственно турецких партий в

стране начали развиваться и курдские политические объединения.

Состояние курдского общества после Второй мировой войны не способствовало формированию в турецкой части этногеографического Курдистана организованного курдского движения. Но к 1960 г. курдский вопрос обострился. Предпосылкой послужили аресты наиболее активных представителей курдской интеллигенции обвиненных в действиях, «направленных на ослабление турецкой демократии». В 1960 г. Комитет национального единства принял ряд законов, направленных на ослабление курдского движения в стране и на насильственную ассимиляцию курдов среди турецкого населения. После государственного переворота 1960 г. начался новый этап борьбы турецких курдов за сохранение своих национальных прав. Представители курдской интеллигенции возглавили работу по созданию курдских СМИ, но открываемые ими издательства практически сразу закрывались правительством Турции.

В 1974 г. против курдов были применены репрессивные меры, ответственность за которые была возложена на премьер-министра Турции Бюлента Эджевита и Партию националистического движения (ПНД). Отряды ее вооруженных формирований («Очаги идеала» и «Серые волки») проводили карательные экспедиции в городах Кахраманмараш и Тунджели, где проживает преимущественно курдское население. Через 4 года после вышеуказанных событий (27 ноября 1978 г.) в поселке Фис уезда Лидже Амадской области было объявлено о создании «Рабочей Партии Курдистана» (РПК). Инициировала ее создание группа утопистов-теоретиков, возглавляемая руководителем «Демократической молодежной организации» – ДМО высших учебных заведений в Анкаре Абдуллой Оджаланом. Впоследствии Оджалан стал председателем РПК и председателем «Фронта национального освобождения Курдистана» (ФНОК).

Абдулла Оджалан (партийный псевдоним Сарок Апо) родился 4 апреля 1949 г. в деревне Омерли уезда Хальфетин вилайета Урфа (Турция). В 1970 г. он поступил на политологический факультет Анкарского университета. В 1972 г. был арестован за участие в митинге протеста против расстрела мирных граждан в Кызылдере. После выхода из тюрьмы, где он провел 7 месяцев, Оджалан принял активное участие в деятельности как курдских, так и турецких прогрессивных органи-

заций. В 1973 г. он становится одним из лидеров «Демократической молодежной организации» высших учебных заведений в Анкаре. В 1975 г. турецкое правительство ввело запрет на деятельность ДМО. В течение последующих трех лет Оджалан со своими соратниками разрабатывал основные принципы новой политической организации и направления ее деятельности. В 1976 г. им был написан «Манифест курдской революции», в котором излагались цели и задачи создаваемой партии. Так началась подготовка к формированию РПК. Первыми соратниками Оджалана были турецкие революционеры Хаки Карер и Кемаль Пир. Первоначально РПК опиралась в своей деятельности на марксистско-ленинскую идеологию. Оджалан подчеркивал в своих выступлениях, что «включился в борьбу за освобождение своего народа не потому, что он курд, а потому, что он по своим убеждениям социалист»¹. На I (учредительном) съезде РПК Абдулла Оджалан был избран ее председателем. Тогда РПК выступала за воссоединение четырех частей Курдистана. Однако от этого лозунга Оджалану пришлось отказаться. Адекватно оценив политико-экономическую ситуацию в каждой из четырех частей Курдистана и столкнувшись с противоборством иных курдских политических объединений (а точнее, с созданной в Ираке Демократической Партией Курдистана возглавляемой Джелилем Хусамаддином Талабани), партия пересмотрела свой лозунг и выступила за курдскую автономию в рамках Турецкой Республики. Основные требования теперь сводились не к разделу Турции на две самоуправляемые части (турецкую и курдскую), а на предоставление курдам равноправного с турками положения во всех сферах жизнедеятельности государства. Для обеспечения решения курдской проблемы предлагалось внести ряд изменений в конституцию страны, основным из которых было предоставление национального статуса курдскому народу. Необходимо отметить, что отказ от воссоединения национального курдского государства привел к тому, что ряд членов партии вышли из ее состава.

25 декабря 1978 г. в городе Мараше турецкие военные провели операцию, задачей которой было физическое уничтожение курдского населения. В этот день погибли свыше тысячи курдов. Первоначально предполагалось провести подобные акции в городах Айнтаб и Малатья. Выбор на Мараш пал не-

случайно. В городе преобладало курдское население, исповедующее алавизм*, другую его часть составляли турки, которые придерживались ислама суннитского толка. Между этими двумя религиозными группами постоянно происходили разногласия, приводившие к острым конфликтам². Под предлогом защиты этнических туток (суннитов) от курдов (алавитов) турецким руководством было принято решение о проведении в Мараше акции по физическому уничтожению последних. Таким образом, Турецкая Республика, провозгласившая себя при Кемале Ататюрке светским государством, решила использовать религиозные разногласия в сугубо политических целях.

К началу 80-х годов в Турции обострилась экономическая и политическая обстановка. Страна находилась в глубоком кризисе, разрешить который правительство Сулеймана Демиреля было не в состоянии. Военное руководство страны приняло решение вмешаться в политические процессы. 12 сентября 1980 г. произошел военный переворот, вследствие которого Сулейман Демирель был смещен с поста президента, а управление государством перешло к сформированному из военных Совету национальной безопасности (СНБ), во главе которого стал начальник генерального штаба генерал Кенан Эверен. Новое руководство Турции отменило действующую конституцию и в 1982 г. приняло новую. В ст. 26-й данной конституции оговаривалось, что «нельзя пользоваться при заявлении или публикации каким-либо запрещенным языком». Курдский язык попал под данную статью и автоматически стал языком, запрещенным основным законом государства. Таким образом, ряд статей данной конституции перечеркивал статьи 37–44 Лозаннского мирного договора, согласно которым Турецкая Республика не имеет права притеснять национальные меньшинства, проживающие на ее территории, так как у них должно быть право на свою культуру и свои традиции. Примечательно, что в ст. 39 оговорено, что национальные меньшинства имеют право на использование своего родного языка как средства

* Алавиты – шиитская религиозно-этническая группа последователей учения Мухаммада б. Нусайра (ум. ок. 880 г.).

общения, и власти не должны препятствовать выходу печатных изданий на нетурецком языке**.

В вышеуказанный период в Северном Курдистане, усилилось национально-демократическое движение. К началу 80-х годов в стране нелегально и полулегально (помимо РПК) действовали такие политические организации, как «Национальные освободители Курдистана», «Социалистическая партия Турецкого Курдистана» и др. Эти организации издавали на турецком и курдском языках газеты и журналы: «Roja velyat» (Солнце родины), «Özgürlük» (Путь свободы), «Rizgari» (Освобождение), «Xina-nu» (Новая жизнь), «Devrimci demokratik gençlik» (Революционно-демократическая молодежь), «Tekeşin» (Борьба). В данных изданиях рассматривались различные аспекты курдской проблемы в Турции и критиковалась политика официальных властей по отношению к курдам. Также освещались социальные и национальные требования курдского народа. На основании того, что курдский язык попал под категорию «запрещенных языков», издания «Солнце родины», «Путь свободы», «Революционно-демократическая молодежь», «Свобода» и «Борьба» были закрыты.

В 1981 г. прошла Первая партийная конференция РПК которая, по словам Оджалана, «положила начало новому этапу курдского национально-освободительного движения»³. 14 июля 1982 г. вошло в историю партии как дата объявления бессрочной голодовки политическими заключенными. Тогда Камалем Пиром, Мехметом Хейри Дурмушем, Акифом Йылмазом и Али Чичаком был объявлен протест против действий турецкого правительства в отношении курдов. В результате голодовки заключенные погибли в Деярбакырской тюрьме, построенной к 1980 г. специально для политических заключенных. Всего за 1981–1982 гг. в турецких тюрьмах погиб 31 член РПК.

В 1981 г. состоялся II съезд РПК. На нем были подведены итоги первоначальной работы партии, одним из которых стала

** Необходимо также отметить, что турецким правительством распространена практика поощрения тех случаев, когда этнические курды отказываются от своих корней и признают, что они являются турками. В отношении таких людей правительство занимало и занимает четкую позицию. Им предоставляется право быть полноправным гражданином Турции и полная свобода действий (конечно в рамках закона).

критика отдельных ее членов и их деятельности в рамках организации. Также были определены дальнейшие пути ее работы. На съезде ЦК партии призвал членов РПК, в случае игнорирования турецким правительством курдского вопроса, готовиться к вооруженному выступлению. Оговаривалось, что данная мера необходима лишь в том случае, если Анкара не пойдет на уступки и тем самым откажется от мирного урегулирования курдской проблемы. Предложения лидеров РПК были отклонены турецким правительством, следствием чего стало принятие решения о вооруженной борьбе. Первое курдское вооруженное выступление произошло 15 августа 1984 г. В этот день две группы партизан, которыми командовал член ЦК РПК, руководитель Военного совета Махсум Коркмаз, заняли города Эрх и Шамдинли.

В марте 1985 г. Оджалан выступил с инициативой создания «Фронта национального освобождения Курдистана» (ФНОК). Так РПК развернула свою деятельность за пределами Турецкой Республики. Ее филиалы появились в Ираке, Иране, Сирии, Ливане и ряде других государств. III-й съезд партии (1986 г.) принял решение создать «Армию освобождения народа Курдистана» (АОНК). В АОНК, по приблизительным оценкам, входили 10–15 тыс. человек. Подготовка военных кадров началась еще после Первой конференции РПК, когда ее члены приступили к разработке методов вооруженной борьбы. Основной базой для партизан стал район Бохтан. В Северный Курдистан были отозваны командиры, проходившие подготовку вне территории этногеографического Курдистана, в том числе и из Военно-политической академии, находящейся в долине Бекаа (Ливан), созданной в начале 80-х годов Оджаланом.

АОНК представляла собой мощную военную организацию, в которую входили высокопрофессиональные специалисты. Кадровая подготовка велась по всему миру. Отряды АОНК состояли как из мужчин, так и из женщин. После обучения тактике ведения партизанской войны ее члены делились на группы, каждая из которых выполняла определенные задачи. Действия АОНК координировались РПК, а, точнее, самим Оджаланом. Именно он принимал решения о военных операциях, проводимых впоследствии партизанами. В организации была строгая дисциплина. Входящие в нее партизаны не имели права вступать между собой в брак. Неподчинение командованию строго наказывалось. Тут необходимо отметить, что, несмотря на все

принятые меры предосторожности, как в РПК, так и в АОНК не-редкими были случаи предательства. Отчасти, как указывалось выше, на это повлияла смена курса политики партии.

В начале 90-х годов отношение турецкого правительства к курдам несколько смягчилось. Президентом Тургуттом Озалом предпринимались определенные шаги для решения курдского вопроса как в политическом отношении, так и в экономическом секторе. Озал намеревался поднять сельское хозяйство и заняться строительством необходимых для курдов социальных объектов, также планировалось привлечь иностранных инвесторов для реализации долгосрочных планов. Тем не менее, бомбардировки курдских районов продолжались, а наиболее активных членов политических организаций арестовывали и подвергали пыткам.

В 1990 г. на Второй конференции РПК были подведены итоги проделанной работы за прошедшие годы и намечены дальнейшие политические, экономические и военные шаги по решению курдского вопроса. В этом же году состоялся IV съезд РПК, на котором члены партии обсуждали вопросы стратегического характера.

90-е годы для членов партии ознаменовались сменой отношения сирийского правительства к РПК. Под нажимом турецкого руководства Сирия, на территории которой находились базы РПК, признала партию «террористической организацией» и провела ликвидацию ее баз и аресты некоторых ее функционеров. Первоначально поддерживаемая президентом Сирии Хафезом Асадом РПК теперь была вынуждена вывести свои базы с ее территории. В 1998 г. Оджалан также был вынужден покинуть пределы страны. Однозначно признано, что тогда Анкара сумела надавить на сирийское руководство посредством угрозы лишить Сирию водных ресурсов (построив плотину на Евфрате). Позднее, уже в своей защитительной речи перед судом, Оджалан отметит, что его соратники настаивали на необходимости для него остаться в пределах страны и дать приказ о начале широкомасштабного наступления войск АОНК на территории Турции. Однако им было принято другое решение, так как «рисковать жизнями других людей ради своего спасения он не хотел»⁴.

17 марта 1993 г. РПК впервые объявила об одностороннем прекращении боевых действий. На пресс-конференции в Бар-Элиасе (Ливан) Оджалан заявил, что РПК предлагает решить

курдский вопрос мирным, демократическим путем. С этого года РПК трижды выступала с инициативой об одностороннем прекращении боевых действий. Однако ее предложения не были поддержаны турецким правительством. Напротив, руководство страны приступило к разработке новых военных операций, направленных против членов РПК.

В 1994 г. в Турции шла подготовка к местным выборам, в ходе которой все кандидаты на руководящие посты от курдских партий были арестованы. Желая несколько разрядить напряженную обстановку, премьер-министр Тансу Чиллер обещала содействовать созданию в Турции курдского радио и телевидения, но свои обещания премьер-министр не выполнила. В этом же году в турецкой прессе появилась информация о том, что РПК заявила о «начале новой компании по убийству мирных граждан как ответ на проводимые ежегодно атаки на позиции партии»⁵. Комментарии по данному заявлению сводились к следующему: турецкими военными регулярно проводились операции по выявлению террористов среди курдского населения, которыми было принято решение о нанесении ответного удара по мирным гражданам Турции⁶.

14 мая 1997 г., по признанию военного командования страны, турецкой армией была проведена самая крупномасштабная операция в истории Республики. Против отрядов РПК, дислоцировавшихся на территории Иракского Курдистана, выступила 100-тысячная армия. Удержав свои позиции, курдским отрядам удалось перейти в наступление и перенести боевые действия на территорию самой Турции⁷.

В начале 1998 г. турецкими войсками был проведен ряд операций, следствием чего стало массовое бегство курдов из страны. По данным Международной ассоциации по правам человека, за этот год на территории Турции были убиты 25 тыс. курдов, сожжены 3,8 тыс. деревень, появились 6 млн. беженцев. Одной из европейских стран, куда переселялись курды, стала Италия, чему в большой степени способствовали заявления президента страны Луижджи Скальфаро и премьер-министра Романо Проди о том, что Италия примет курдских беженцев с «распростертыми объятиями»⁸.

15 февраля 1999 г. в городе Найроби (столице Кении) турецкими спецслужбами был арестован председатель РПК, после чего его доставили на остров Имралы в Мраморном море. 31 мая Суд национальной безопасности Турции приступил к

судебному процессу над Оджаланом, выдвинув против него обвинение в «измене Родине и государству». 29 июня Оджалану был вынесен смертный приговор (не приведен в исполнение). Адвокатами арестованного было составлено обращение в Апелляционный суд Турецкой Республики, который 25 октября вынес решение оставить без изменений вердикт Суда национальной безопасности.

2 августа 1999 г. Абдулла Оджалан вновь выступил с инициативой по прекращению военных действий со стороны партизанских отрядов Армии освобождения народов Курдистана и рекомендовал им покинуть территорию Турции. В конце января на V-м заседании Совета Президиума РПК было принято решение о приостановлении деятельности партии в странах Европейского Союза и в пределах границ Турецкой Республики. Однако турецкие власти не пошли на компромисс. 19 февраля 2000 г. мэры курдских городов были обвинены в поддержке РПК и арестованы. Желая несколько разрядить обстановку, министр иностранных дел Турции Исмаил Джем решил прибегнуть к вышеуказанному ходу Тансу Чиллер. 16 октября 2000 г. в своем интервью радио «Свободный Ирак» он сказал, что турецкое правительство должно пойти на некоторые уступки, понимая под уступкой только создание собственного курдского телевизионного канала.

4 апреля 2002 г. состоялся последний (VIII) съезд РПК, участие в котором приняли двести восемьдесят пять делегатов. На съезде было объявлено, что «партия выполнила свою историческую миссию и добровольно уходит с политической арены». Делегаты обсудили ряд вопросов, среди которых основным был пересмотр практики войны в прошлом. На данном съезде партия реорганизовалась в Конгресс Свободы и Демократии Курдистана (КСДК).

Правление КСДК состоит из 51 человека. Высшим органом является Совет Руководства, состоящий из 11 человек (одним из членов Совета Руководства КСДК является Осман Оджалан – брат Абдуллы Оджалана). Каждые 3 года должна проходить ротация Совета Руководства. Председателем КСДК является Абдулла Оджалан⁹. Примечательно, что несколько позже, опираясь на 5-й пункт Устава НАТО, согласно которому «любое нападение на членов данной организации, приравнивается нападению на само НАТО», РПК, которая более не существовала, была включена Европейским Союзом в список террори-

стических организаций¹⁰. В ответ на данное решение членами КСДК были организованы митинги протеста, которые прошли по всему миру. В своем заявлении КСДК обозначил «Решение о внесении РПК в список террористических организаций» как «объявление войны против усилий по мирному решению курдского вопроса»¹¹.

Великое Национальное собрание Турции 2–3 августа 2002 г. приняло «Решение о внесении изменений в конституцию страны в соответствии с требованием Европейского Союза»¹². Основные требования ЕС сводились к отказу Турции от института смертной казни; предоставлению турецким правительством права обучения родному языку всем национальностям и народностям, проживающим на территории страны, и права на свободу печати. 5 октября 2002 г. КСДК распространил письменное заявление, в котором говорилось, что практические шаги со стороны Турции по осуществлению данного решения будут способствовать формированию демократических отношений между турецким правительством и курдским населением государства. В своем заявлении от 22 ноября 2002 г. Совет Президиума КСДК подчеркнул, что члены партии продолжают настаивать на демократическом решении курдского вопроса, для чего необходим пересмотр турецким правительством своего отношения к курдам в целом. Сформированное правительство обнародовало план первоочередных действий, которые были необходимы для практического решения поставленных задач. Совет Президиума КСДК разработал проект создания районов самообороны «Мидия»¹³. Было объявлено, что цель создания районов – предотвращение возможных военных столкновений, а не противостояние с какой-нибудь конкретной силой. В то же время оговаривалось, что предусмотрена активная самозащита от любых нападений, направленных против курдского национально-освободительного движения.

12 марта 2003 г. Европейский суд по правам человека признал судебный процесс, проведенный в Турции над Оджаланом, несправедливым, так как в ходе судебного процесса права подсудимого были нарушены. В частности, его продержали длительное время в тюрьме без предъявления обвинения. В то время, когда Европа искала основания для признания недействительным проходивший в Турции суд над Оджаланом, турецкая армия и курдские вооруженные формирования проводили операции друг против друга. 2-го июля 2003 г. в горах Га-

бар партизанами была проведена операция против турецкого спецназа. Через месяц (21–22 августа) турецкие военные провели ответную операцию в районе Батмана.

Настойчивость Анкары в вопросе дислокации ее войск на территории Южного Курдистана (Ирак) привела к появлению ряда заявлений, которые сводились к объяснению дальнейших действий со стороны партизан. Выступая по курдскому ТВ «MEDYA-TV», член СР КСДК Мурад Карайылан отметил, что действия Турции вынуждают партизанские отряды отказаться от одностороннего прекращения огня. Тут необходимо отметить следующее: когда РПК прекратила свою деятельность и был сформирован КСДК, ставший ее правопреемником, было принято решение, что новая организация должна решать все вопросы, связанные с ситуацией в Курдистане, исключительно демократическим путем. Тогда появилась «новая» военная организация «Народные силы самообороны Курдистана», которая, по всем признакам, является правопреемницей АОНК. В мирное время НССК подчиняется КСДК, но в случае нападений на курдов турецких войск, НССК выходит из под контроля КСДК и самостоятельно проводит военные операции. КСДК в любом случае будет оставаться организацией ведущей борьбу демократическим путем. Что касается Ирака, то еще до вторжения на его территорию войск США руководством КСДК было распространено заявление осуждающее намерения президента Джорджа Буша и призывающее к «мирному урегулированию всех накопившихся проблем»¹⁴.

Итак, все трения между Турцией и курдами должны решаться демократическим путем, но если турецкое правительство игнорирует такую постановку вопроса, то курды выступают за свои права с оружием в руках. В подтверждение вышесказанного можно привести основные заявления, продекларированные на II Конференции НССК (сентябрь 2003 г.). На ней было отмечено следующее: НССК будет строить свою работу на демократических принципах, разработанных Абдуллой Оджаланом, но при этом организация в соответствии с разработанными ранее постановлениями получают полную свободу действий.

В качестве вывода можно отметить следующее: за двадцать лет работы РПК стала самой крупной и самой многочисленной курдской партией, ее филиалы были расположены по всему миру; несмотря на призывы решать курдскую проблему

демократическим путем, РПК формировала свои войска и координировала их действия; мероприятия проводимые членами РПК, действительно принесли существенные результаты в стремлении курдов остановить ущемление их прав; после прекращения деятельности РПК ее правопреемницей стал КСДК, который основной путь в разрешении курдского вопроса видит в демократии; вооруженные формирования, находившиеся ранее под руководством РПК, в настоящее время представляют собой подконтрольную КСДК организацию, готовую в любое время отойти от нее и приступить к широкомасштабным военным действиям, направленным против турецкой армии. И последнее: курс, обозначенный КСДК и его практические шаги в разрешении курдского вопроса лишней раз доказывают, что КСДК является не правопреемником РПК, а той же организацией, но под другим названием и более широкими полномочиями, целями и задачами, построенной на демократических принципах, лидером в которой остается Абдулла Оджалан.

¹ Курдистан. Вчера и сегодня. Информационный справочник Национально-культурного общества курдов города Симферополя, 2000, с. 75.

² [Джанан 2002] – *Камал Джанан*. Военный переворот 12 сентября 1980 г. и национально-демократическая борьба народов Турции. // Дружба № 20–21 ноябрь 2002.

³ Курдистан. Вчера и сегодня. Информационный справочник Национально-культурного общества курдов города Симферополя, 2000, с. 78.

⁴ Абдулла Оджалан. От Шумерского государства жрецов к демократической цивилизации (Защитная речь на Европейском суде по правам человека) т. 1. – М., 2003, с. 346.

⁵ Anadolu Agentesi. Ankara. 1 октября 1994.

⁶ Там же.

⁷ Нападений на туристические объекты в Турции не будет / Независимая газета. 22 января 1998.

⁸ Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века – М., 2001, с. 319.

⁹ По материалам пресс-конференции с представителями СМИ о VIII съезде РПК, проходившей в Институте развития прессы 16 апреля 2002 г. // Дружба № 16–17 июнь 2002 г.

¹⁰ Из выступления члена Совета Руководства КСДК Джамиля Байыка на курдском телевидении MEDYA-TV 5 мая 2002 г.

¹¹ Заявление Конгресса свободы и демократии Курдистана. *Özgür politika*, 6 мая 2002.

¹² Заявление Конгресса свободы и демократии Курдистана от 12 февраля 2003 г.

¹³ Районы самообороны «Мидия» – оплот свободы и демократии в регионе. / *Özgür politika*. 20 сентября 2002.

¹⁴ Война и мир: к событиям вокруг Ирака. // *Дружба* № 20–21 ноябрь 2002.

هه و النامه ی کتیب

КУРДСКИЙ ВОПРОС В ИРАНЕ

Проблема межнациональных отношений в мусульманских полиэтничных государствах зарубежного Востока представляет важный, но недостаточно изученный аспект общественного развития стран Западной Азии. К числу многонациональных государств принадлежит и Иран, население которого состоит в основном из представителей трех групп народов – иранской, тюркской и семитской.

С самого начала установления в Иране власти шиитского духовенства в 1979 г. в идеологии и политике определились два подхода к решению проблемы межнационального взаимодействия. Один из них был сформулирован шиитскими общественно-политическими кругами, избравшими в качестве интеграционного принципа единство мусульманской общины. Иранцы-шииты, возглавившие центральные административные органы, стремились решать все общественные вопросы через призму ислама. В то же время идейно-политические воззрения народов, населявших окраинные регионы страны, связывались с перспективой построения светского общества в постмонархическом Иране, в котором религия была бы отделена от государства. Новому иранскому режиму не удалось, однако, найти действенные механизмы социального взаимодействия между доминирующим и периферийными этносами, и автономистские движения, охватившие преимущественно районы расселения разделенных народов, были подавлены силой. Этому способствовало то, что мусульманский национализм правящих верхов содержал ассимиляторские мотивы и призывал к единству и сплоченности во имя идей шиизма, которые отнюдь не разделяли неперсидские народы, многие из которых являются либо суннитами, либо приверженцами иных религиозных верований. Иранским фундаменталистам так и не удалось выработать адекватный внутривнутриполитической реальности курс в межнациональных отношениях. Предпосылки этнических конфликтов со-

хранились и существуют в современном Иране в латентном состоянии.

Ситуация в Иранском Курдистане до сих пор остается особенно нестабильной, поскольку, несмотря на запрет деятельности политических партий в 1980 г. аятоллой Хомейни, иранским курдам удалось сохранить свое автономистское движение и политические организации. Курды продолжают вести борьбу за национальную автономию с иракской территории, куда были переведены их штабы и вооруженные формирования.

Ситуация, возникшая в соседнем Ираке, в связи со вступлением в страну сил американо-британской коалиции, повлияла и на взаимоотношения центральной иранской администрации и курдской оппозиции, основные требования которой были сформулированы генеральным секретарем Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) А.Хасанзаде. ДПИК требовала для курдов равного социального статуса, использования курдского языка в суде, государственных учреждениях, учебных заведениях, СМИ и пр. (национальной автономии для курдов, их участия в центральных органах власти и т.д.), расширения границ автономного курдского района во всех районах расселения иранских курдов в провинциях Западный Азербайджан, Илам и Керманшах; признания курдов нацией и легализации деятельности курдских политических партий.

А.Хасанзаде при этом считает, что курдский этнический конфликт в Иране может быть решен путем переговоров. Вместе с тем, он не верит, что иранские клерикалы способны пойти на уступки. Поэтому А.Хасанзаде и его партия поддерживает те политические круги, которые ратуют за свержение правящего режима ИРИ и установление в стране светского демократического строя. В то же время ДПИК не хотела бы иностранного вторжения в Иран. Хасанзаде категорично подчеркивает в своих выступлениях, что иранские курды являются борцами с терроризмом, а ДПИК уже 9 лет не ведет вооруженных действий против режима на иранской территории. Активисты ДПИК ведут только пропагандистскую работу среди курдского населения Иранского Курдистана¹.

Кстати, мнение Хасанзаде перекликается с позицией Реза Пехлеви, сына последнего иранского монарха, заявляющего, что «диктаторский, фундаменталистский режим будет отстранен от власти в обстановке мира и спокойствия, без кровопролитий». Его сторонники стремятся заставить правящие круги

уйти путем экономического давления². Но им пока мало что удалось сделать.

Более радикальные позиции занимают военные представители иранских курдов, начальники курдских вооруженных отрядов пешмарга. Так, например, член политбюро ДПИК Мустафа Хиджири отдает приоритет вооруженным методам борьбы с исламским режимом в Иране. Он полагает, что иранские власти против признания национальных прав курдов и они намеренно провоцируют вооруженные стычки с курдами с целью уничтожения последних. Курдские военачальники воспитывают своих пешмарга в духе ненависти к шиитскому режиму Ирана во имя сохранения, по их словам, курдской идентичности. Они считают, что, благодаря сопротивлению курдов, им удалось сохранить свои политические организации³.

Они объединены в Курдский Революционный Союз (КРС), которым руководит Язданпани. Курдские автономисты готовятся к возобновлению вооруженного столкновения с иранской армией на территории Иранского Курдистана, некоторая их часть продолжает заниматься легальной практической деятельностью. Их работа нацелена на достижение гражданского равноправия курдов и борьбу против проявлений шовинизма. Они ищут и находят механизмы взаимодействия с реформаторским крылом правящей элиты, работая в органах местного самоуправления в провинции Курдистан, пытаясь добиться от центра уступок и инвестиций в экономические, социальные, культурные и иные программы. Среди них, например, вице-губернатор этой провинции Асадулла Дарвиш Амири, подчеркивающий, что курды не сепаратисты и готовы участвовать в административных органах. Аналогичного мнения придерживается и А.Мардук, европейски образованный человек, видный деятель курдского движения Ирана, считающий, что основная задача иранских курдов должна состоять в том, чтобы вывести Иранский Курдистан по экономическому и социальному состоянию на один уровень с центральной провинцией⁴. Он стремится перевести борьбу в мирное русло, что находит понимание реформаторской части иранской администрации.

Таким образом, внутри курдской оппозиции существуют противоречия. Одну группу составляют сторонники борьбы за автономию традиционными средствами, т.е. либо путем идейно-политической пропаганды, либо подготовки к активным военным действиям с исламским режимом с целью его сверже-

ния и установления светского демократического правления. Они отличаются непримиримостью к исламскому режиму, считая пребывание иранской армии в Иранском Курдистане оккупацией. Другая группа курдских автономистов пытается переломить ситуацию в пользу курдов, активно сотрудничая с реформаторским крылом центральной администрации. Они осознают бесперспективность ведения иранскими курдами борьбы за автономию насильственными средствами, поскольку курдское автономистское движение в Иране слабо и не имеет шансов на успех.

Различных позиций в курдском вопросе придерживаются иранские фундаменталисты и реформаторы. Фундаменталисты выступают за искоренение курдских автономистов любыми средствами, уничтожая физически функционеров нелегальной ДПИК. Так, например, в конце 2003 г. были казнены члены ДПИК Дж.Зевари и Р.Шарифи⁵. В связи с этим ДПИК обратилась в международные правоохранительные организации – Комиссию по правам человека ООН и Международную амнистию, обвиняя иранский режим в связях с международными террористическими организациями. Так, К.Хакки, курдский политолог, утверждает, что хотя Иран и заявляет об аресте некоторых членов «аль-Каиды», на самом деле он помогает скрываться лидерам террористических группировок. Аятолла Хаменеи, верховный духовный лидер страны, посещает их в Джамаране⁶.

Хотя эти обвинения и можно было бы рассматривать как политическую пропаганду с целью дискредитации существующего режима в глазах мировой общественности, но в ответ на подобные заявления фундаменталисты попытались восстановить «конституционный порядок» в Иранском Курдистане полицейскими мерами. Иранские реформаторы, возглавляемые президентом страны М.Хатами, напротив, разрабатывают и осуществляют определенные мероприятия, направленные на смягчение напряженности между иранскими курдами и центром в рамках программы диалога цивилизаций. С ее помощью они стремятся перевести понятия «национального единства меньшинств» и «территориального отождествления» (действительно, курды ассоциируют себя с территорией Иранского Курдистана) в более широкие рамки концепции диалога цивилизаций, апеллируют к местным традициям, истории и культуре, которые могли бы консолидировать иранское общество и, вме-

сте с тем, нейтрализовать национальную окраску выступлений украинских народов, в частности, курдов.

Следует признать, что осуществление программы диалога цивилизаций в Иранском Курдистане принесло определенные положительные результаты. Так, например, поощрялась активность курдов в местных и центральных органах управления. Четверо из девяти губернаторов округов провинции Курдистан – курды, а к государственной службе в провинции привлечены 320 чиновников курдского происхождения. В иранском парламенте работали 30 курдских депутатов (из 290). Однако их деятельность не всегда приносила желаемые результаты, поскольку некоторые из предлагаемых ими проектов отвергались. Так, Мусави-Лари, министр внутренних дел, ведомство которого курирует национальные вопросы, не принимал программ и предложений, имевших этнический оттенок. Он считал, что самоопределение угрожает национальной целостности страны, а дезинтеграция является серьезным препятствием на пути реформ. Поэтому он рассматривал многие требования курдов как «угрожавшие национальной безопасности страны». Право на обучение на родном языке было объявлено им «суперэтническим требованием»⁷.

Позиции главы МВД, как видим, неоднозначны, поскольку он вынужден балансировать между интересами реформаторов и фундаменталистов. Он должен следить, чтобы работа курдских депутатов в меджлисе не противоречила универсализму официальной доктрины.

Реформаторскому крылу, возглавляемому Хатами, несмотря на давление со стороны фундаменталистов, все же удалось в Иранском Курдистане осуществить некоторую либерализацию общественной и культурной жизни: появилось ограниченное вещание на курдском языке, стали выходить общественно-политические и художественные журналы и книги на курдском языке и о курдах на персидском языке, было разрешено обучение курдскому языку в начальной школе.

Вместе с тем, дислокация сил американо-британской коалиции у дверей Ирана внесла некоторые коррективы и в курдскую политику как реформаторов, так и фундаменталистов. Этому способствовало, в частности, заявление Дж.Буша о намерении американской администрации продолжить осуществляемый в Ираке курс и в других странах Ближнего и Среднего Востока. Он назвал несколько стран, входящих в так

называемую ось зла, в числе которых оказался и Иран. Это те страны, которые, по его мнению, поддерживают терроризм, производят оружие массового поражения и отрицают право на свободу своего народа⁸. Кроме того, К.Райс, советник президента США по безопасности, заявила, что в условиях конфронтации между реформаторами и жесткими клерикалами во властных структурах Ирана важно иметь ввиду, что часть иранского общества недовольна политикой правительства. Она выразила мнение, что некоторые реформаторы в иранском парламенте «предъявляют счет иранской политике».

Опасения того, что ИРИ может стать следующим объектом американского вторжения с целью изменения власти в стране и попыток ее демократизации после завершения общественно-политического обустройства Ирака, побудили реформаторские и фундаменталистские политические круги принять меры для сохранения стабильности в Иранском Курдистане, чтобы предотвратить вероятность подъема автономистских движений. Действительно, иранские курды (равно как и другие представители разделенных государственнымными границами народов страны) могут в принципе поднять восстание против существующей власти.

Исходя из этого, реформаторы предприняли попытки установления не прямых контактов с курдской оппозицией с целью начала переговоров по курдской проблеме. Однако иранские курды относятся к таким предложениям с большой опаской, поскольку известно, что в период аналогичных переговоров с властями были убиты А.Касемлу и М.Шарифкинди, генсеки ДПИК. Поэтому руководитель КРС Язданпани ответил, что курды изучат эти предложения, и настаивал на участии иностранных наблюдателей в том случае, если переговоры состоятся⁹. Однако усилившиеся противоречия между реформаторами и фундаменталистами в Тегеране не позволяют пока развить эти новации в межнациональных отношениях. Пытаясь не допустить нового взрыва автономистских движений на периферии страны, фундаменталисты прилагают усилия, чтобы не позволить использовать автономистские идеи внешними силами для подрыва исламского режима изнутри. Как известно, лозунги «Смерть Америке» и «Америка – великий сатана» являются частью политической культуры ИРИ. В связи с этим под личным контролем аятоллы Хаменеи, председателя Высшего исламского совета, готовятся мусульманские пропагандисты, ко-

торых направляют в различные районы страны, в том числе и в Иранский Курдистан, а также новые силовые структуры, так называемые люди в гражданской одежде¹⁰, представляющие собой хорошо обученные отряды из числа арабских и афганских иммигрантов.

В 80–90-е годы XX в. в Иран усилился приток арабских и афганских эмигрантов, которых использовали для формирования специальных силовых структур. Они проходили военную, политическую и религиозную подготовку. Их военные базы будто бы располагаются в Тегеране, Куме и на ирано-иракской границе. После соответствующей подготовки арабские группы из Судана, Ливана, Алжира, Саудовской Аравии, Иордании и Палестины направляются в различные регионы страны. Эти вооруженные силы находятся также под юрисдикцией аятоллы А.Рафсанджани. Кроме того, в Иран перебрались некоторые мусульмане из Чечни, Боснии и европейских стран. Они имеют те же цели, что и упомянутые выше группы. Им разрешается присутствие в Иране в том случае, если они напрямую работают на иранские силы безопасности и подчиняются всем приказам, которые им отдаются. Они обеспечены материально. Их месторасположением являются те места, которые принадлежат Хаменеи, Рафсанджани и Али Акбар Натег Нури. Некоторые из них размещены в богатых домах Тегерана вблизи мечетей¹¹.

Таким образом, шиитские руководители стараются избежать возможности возникновения внутривнутриполитических беспорядков, направленных на свержение существующего режима. Они укрепляют свои позиции в районах расселения разделенных народов.

Свои позиции в Иранском Курдистане фундаменталисты укрепляют с помощью специальных подразделений в «гражданской одежде», которых направляют в суннитские районы Ирана для поддержания порядка, а именно: в западный Иран и восточный (Иранский) Курдистан. Из района Рамханг города Камиаран, находящегося в последнем, имеющие семьи бойцы выезжают только для того, чтобы сделать покупки. Это арабы из Йемена, Судана, Афганистана и Ливана, а также курды из Ансар-уль-ислам. Отдельные представители «аль-Каиды» размещены в лагере Хомейни в Керманшахе. Там находятся арабы из Йемена, Саудовской Аравии, Ливии, Йемена и Афганистана. Они передвигаются только по ночам на автомобилях с

тонируемыми стеклами. Посещения этого района гражданским населением строго запрещены. Их разрешено посещать только высшим военным чинам Сепак¹².

Все это делает малоэффективным ведение борьбы за автономию силовыми способами.

Следует также отметить, что иранские курды тесно сотрудничают с курдскими политическими партиями Иракского Курдистана и поддерживают программу иракских курдов по созданию широкой курдской автономии на территории Ирака. В одном из последних вариантов этой программы значилось присоединение провинции Дияла к автономии иракских курдов. Этот момент вызвал решительный протест со стороны Ирана, и это неслучайно. Эта провинция граничит с округом Касре-Ширин иранской провинции Керманшах, курды которого говорят на одном диалекте с сопредельными курдами и принадлежат к числу последователей учения али-иллахи (ахл-е хакк), близкому к шиитской ветви ислама.

Итак, присутствие сил американо-британской коалиции в Ираке оказывает большое влияние на ситуацию в Иранском Курдистане. Налаживанию диалога между курдской оппозицией и центром (реформаторами) мешает острая политическая борьба в высших эшелонах власти между фундаменталистами и сторонниками реформ. Решение курдского вопроса в Иране в значительной степени зависит от того, в каком направлении будут развиваться политические процессы в стране, насколько возможным будет проведение реформаторского курса аятоллой Хатами, с одной стороны, а с другой, – от ситуации в соседнем Иракском Курдистане и американской политики в Ираке.

Тенденции политических процессов в современном Иране развиваются не в пользу реформаторов, о чем свидетельствуют последние выборы в меджлис в феврале 2004 г., в результате которых фундаменталисты одержали верх. Это может свести на нет усилия реформаторов в курдском вопросе.

¹ KDP-I Sets out Terms for Talks with Tehran. –

<http://home.cogeco.cf/~kobserver/2-5-03-kdpi-setout-terms-iran.html>

² Принц Ирана раскрыл истоки мирового терроризма. –

<http://top.rbc.ru/indet/shtml7/news/daythemes/2003/01/23/23181342...bed.24.01.2003.shtml>

³ Speech made by Mustafa Hijri, member of PDKI's politburo on the «Peshmerga Day», –

<http://www.pdk.org/mustafa%20hijri%0n%20the%20peshmerga%20day.htm>

⁴ Iranian Kurds say they will cling to their motherland. –

<http://home.cogeco.cf/-konews/23-11-02-kurds-iran-cling-homeland.html>

⁵ The Execution of Two Kurdish Political Prisoners in Iran. –

<http://mywebpage.netscape.com/KO%20News/10-12-03-irn-kill-2-kurds.html>

⁶ The Presence of the al-Qaida in Iran, 07 July 2003, Kurds Media com. By Kurmanc Hakki. –

<http://kurdmedia.com/reports.asp?id=1556>.

⁷ Iraq Opposition is Pursuing With Iranians. –

<Http://www.puk.org/web/htm/news/02-02-03c.html>

⁸ US sets sights on Iran. By Roger Hardy, BBC Middle East analyst – 30 July 2003 –

http://www.pdk-iran.org/english_kurdistanbulletin/main.htm

⁹ KDP-I Sets out Terms for Talks with Tehran...

¹⁰ Speech made by Mustafa Hijiri...

¹¹ Там же

¹² Там же

**КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА В ИРИ
ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕЖИМА САДДАМА ХУСЕЙНА**

Политика иранского руководства по отношению к курдам, как и к другим национальным меньшинствам, принципиально не менялась со времен монархии. Центральные власти всегда стремились держать районы, населенные этими народами, в состоянии умиротворения, исходя из интересов сохранения территориальной целостности государства. Ради достижения этой цели власти прибегали ко всевозможным и хорошо известным мирным и немирным средствам воздействия как на национальных лидеров, так и на широкие слои населения.

Радикальные изменения, происшедшие в иранском обществе после падения шахской монархии и установления исламского республиканского режима, иранские курды в большинстве своем восприняли критически. Попытки воспользоваться ослаблением центральной власти для достижения собственно курдских национальных интересов натолкнулись на жесткое противодействие со стороны нового руководства. В том числе и со стороны его умеренного крыла, которое так же, как и радикалы-хомейнисты, рассматривали стремление ряда курдских лидеров к получению Курдистаном широкой автономии как угрозу государственной безопасности. На некоторое время Курдистан превратился в оплот вооруженной иранской оппозиции новой власти. Эти силы, в том числе Организация моджахедов народа Ирана (ОМНИ), активно поддерживались из-за рубежа. Как со стороны Саддама Хусейна, так и со стороны США, заинтересованных в падении исламского режима Ирана.

Новой иранской власти удалось усмирить Курдистан. Однако со сложившимся положением вещей курды мириться не хотели, стремясь к получению как можно более широких прав и возможностей. При этом они очень болезненно реагировали на любые формы проявления несправедливости к своему этносу со стороны руководства государства.

Лидеры ИРИ, со своей стороны, понимали, что для превращения Курдистана в лояльную правительству провинцию, необходимо все более интегрировать его в общеиранские экономические, политические и прочие структуры при одновременном предоставлении курдам новых возможностей для развития национальной культуры.

Много сделал в этом направлении президент Исламской Республики Иран Сайд Мохаммад Хатами, которого поддерживало подавляющее большинство иранских курдов, ожидавших от него больших перемен в своей судьбе в лучшую сторону.

В Иранском Курдистане за последние годы было создано множество культурных центров; в университете г. Сенендеджа появилось отделение курдского языка. Стал издаваться ряд новых курдских газет. В иранском парламенте появилась курдская фракция; иранское телевидение ввело 2-х часовые программы на курдском языке. Пусть медленно, но началось и экономическое освоение этого региона. Создавались промышленные предприятия. В частности, созданы предприятия по добыче (около 1,5 млн. т в 2000 г.) минерального сырья (гранит, мрамор гипс и др.), которое успешно экспортируется в Турцию и Ирак. На предприятиях этой отрасли занято более 2 тыс. чел.¹ В декабре 2003 г. начальник управления промышленности и горнорудных ресурсов провинции Курдистан заявил, что здесь скоро, впервые в Иране, начинается производство тяжелых тракторов². На сельскохозяйственные проекты выделяются немалые средства, которые, правда, далеко не всегда используются по назначению местной администрацией.

В начале августа 2000 г. президент ИРИ посетил провинцию Курдистан с целью продемонстрировать свое уважение к курдскому народу как к полноправному хозяину страны наряду с другими населяющими его народами. Выступая в столице провинции, г. Сенендедж, он заявил: «Иран одинаково принадлежит арабам, курдам, туркам; у нас общая трехтысячелетняя история». И при этом подчеркнул, что курды являются народом, который при шахском режиме пострадал более других³. Комментируя визит М.Хатами, газета «Абрар» писала, что курды – это «одна из наиболее аутентичных этнических групп, которая формирует великую иранскую нацию, и сегодня эта великая и чистая раса, которая вместе с другими этническими группами, формирует процветающий и независимый Иран»⁴.

Власти всегда старались выделять именно то общее, что исторически связывало и сближало курдов с персами и другими народами Ирана. Например, Курдистан отнесен к числу наиболее важных провинций страны с точки зрения обладания им памятниками культуры и истории. В марте 2004 г. об этом заявил глава фонда культурного наследия провинции Курдистан Мохаммад Ибрагим Зараи, отметив, что в Курдистане обнаружено более 1,5 тыс. памятников истории и культуры, таких как курганы, мосты, здания и мечети, а 600 из них уже внесены в реестр памятников истории и культуры Ирана⁵.

М.Хатами пытался опираться в Курдистане на лояльных к властям курдских общественных деятелей, которым позволялось достаточно откровенно и публично говорить о проблемах курдов и их претензиях к властям. Примеры тому доктор Абдоллах Рамазанзаде, шиит, который родился и вырос в Тегеране, получил специальность антрополога на Западе; Джалаль Джалализаде, курдский профессор теологии; Абдул Манем Мардук, выходец из влиятельной религиозной семьи Сенендеджа (более 700 лет назад прибыла в город), и др. Ответственный редактор курдского еженедельника «Забане Сирван», отражавший мнения прохатамистской группы в Сенендедже, в интервью иранскому журналу Собх-е эмруз 29 января 2000 г. даже позволил себе заявить, что с курдами-суннитами в Иране обращаются как с иностранцами и людьми второго сорта⁶.

Абдоллах Рамазанзаде в 1997 г. был назначен на пост губернатора Курдистана и до 2002 г. активно поддерживал реформистский курс президента Хатами в этой провинции. (В 2002 г. он был переведен в аппарат администрации президента пресс-секретарем правительства Ирана, а в 2004 г. был вызван в суд для дачи объяснений по поводу своих публичных высказываний о необходимости проведения демократических реформ.)

Абдул Манем Мардук с легкостью победил на выборах в местные органы власти, что некоторые исследователи рассматривали как тенденцию восстановления утраченных позиций суннитской курдской элиты, некогда сдавшей свои позиции радикальным курдским лидерам светского типа⁷.

Восстановлению позиций религиозных вождей курдов способствовали сами иранские власти, которым удалось нейтрализовать курдские организации светского типа. Хотя, видимо,

еще остались подпольные структуры Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) и Революционной партии трудящихся Курдистана (РПТК). Однако после ликвидации двух видных лидеров ДПИК (в 1989 и 1992 г. были убиты генеральные секретари ДПИК А.Касемлу и А.Шарифкинди) новое руководство этих партий светским, как полагают некоторые аналитики, можно назвать условно, поскольку оно состоит из выходцев из религиозных семей⁸. Оппозиционная борьба курдов или их протестные выступления стали приобретать все более отчетливый религиозный характер. Правящий режим воспринимался, прежде всего, как шиитский и потому враждебный курдам-суннитам. Особенно ярко это проявилось во время выступлений курдов в 2003 г. и в начале 2004 г. Хотя руководство ИРИ никогда не стремилось подчеркивать свою шиитскую исключительность. Оно давно перешло от решительного курса силового подавления национальных конфликтов к либерализации общественной деятельности неперсидских этносов, проводя более эффективную политику постепенного сближения различных общественно-политических сил на основе общеиранской мусульманской культуры. Уместно отметить, что ДПИК поддерживала во все времена как официальные, так и неофициальные контакты с курдами Ирака. Особенно это касается клана Барзани (его лидер возглавляет Демократическую партию Курдистана – ДПК), который родственными узами связан с курдами соседнего Ирана. Эти связи всегда принимались во внимание иранским руководством, которое понимало, что на политическое поведение иранских курдов оказывают события не только в самом Иране, но и в других частях Курдистана. Особенно в Ираке, где курды, в значительной мере благодаря США, добились широкой автономии.

Естественно, что Иран всегда внимательно следил за событиями вокруг Ирака. И до военной операции американцев против режима Саддама Хусейна, во время и после ее завершения.

Накануне войны Иран занимал осторожную позицию. Он готов был сотрудничать с США в деле свержения своего давнего врага и даже использовать свое влияние на шиитскую общину Ирака. В то же время искал пути сотрудничества с иракскими курдами, понимая, что характер решения курдской проблемы в Ираке будет в значительной мере определять и поведение иранских национальных меньшинств, и, прежде все-

го иранских курдов, не расстающихся с мечтой об автономии и даже создания собственного национального государства. Позиция Ирана накануне войны – это смешанное чувство надежды на ослабление своего противника и тревоги за свое будущее. Официально Тегеран выступал с очень умеренных позиций, не выказывая открытой поддержки США и подчеркивая, что при любом развитии событий он – за сохранение территориальной целостности Ирака.

Реакцию официального Ирана на начало военных действий США в Ираке хорошо характеризует небольшой эпизод о художнике по имени Физулла из г. Секкез (Иранский Курдистан). Иранская пресса сочла нужным его обнародовать. Узнав о начале войны, в знак протеста против начала военных действий со стороны США этот художник уничтожил свои произведения, посвященные памяти жертвам химической бомбардировки курдского города Халабджа (более 80 своих работ, выставленных в центральном парке этого города). В последний день работы этой выставки он в присутствии жителей сжег картины. Физулла сказал, что уничтожение их – это своего рода акт саможжения как единственный механизм недопущения войны и реакция художника на возможность повторения трагедии Халабджи. Художник уверен, что начало американцами военной операции приведет к повторению трагедии курдского города Халабджа и многочисленным жертвам среди невинного мирного населения⁹. Интерпретировать это сообщение можно по-разному, но одно несомненно – Иран был недоволен американским решением начать войну против Ирака и позицией курдов, вставших на путь активного сотрудничества с США, как бы давая понять, что такая политика не принесет курдам ничего хорошего.

Отношение к своим курдам в этой ситуации было как всегда двойственным. Поддержка лояльных, преследование и уничтожения откровенно враждебных режиму курдов. Похоже, что на них не распространилась позже даже амнистия по случаю 25-летия иранской революции в феврале 2004 г. Вполне естественно, что недоволен Иран был и непримиримыми курдскими организациями, прямо призывавшими США вторгнуться в Иран и свергнуть иранский режим. Представитель ДПИК Халид Азизи заявил в начале мая 2003 г., что делегация его партии встречалась с руководством США, в том числе с официальными представителями Пентагона. Она критиковала поли-

тику США в отношении Ирана и призвала США помочь иранской оппозиции свергнуть правящий режим. Он заявил, что члены его, как минимум, не будут препятствовать американцам, если они атакуют Иран. Данное сообщение было передано информационной службой Курдиш Медиа 2 мая 2003 г. из Лондона¹⁰.

Закономерно, что в последующем радикальная оппозиция не могла рассчитывать на милость властей Ирана¹¹, которые с американцами умеют торговаться и договариваться не хуже курдов, а может быть и лучше.

В первой декаде июня 2003 г. в Иране наблюдались студенческие волнения, которые были вызваны недовольством студентов планами правительства передать университеты в частные руки. Затем они переросли в антиправительственные выступления. По данным генерального прокурора ИРИ аятоллы Абдулнаби Намази, было арестовано около 4 тыс. человек, из которых 2 тыс. освобождено. Только в Тегеране были арестованы 800 человек, но студентами из них были только немногие. Естественно, и в Иранском Курдистане студенческие волнения быстро превратились в манифестации с требованиями свободы и проведения референдума по вопросу изменения политической системе в Иране. Университет Курдистана в г. Сенендедж был занят силами безопасности, арестовавшими сотни человек. В арестах принимали участие также радикальная исламская группа милиции «Ансаре Хезболлах». Курдские обозреватели отмечали, что со студентами в Курдистане силы безопасности обращаются более жестко, чем в других регионах Ирана¹². В этом же месяце появились сообщения о намерении иранских властей казнить троих курдских оппозиционеров за их принадлежность к запрещенной ДПИК, функционеры которой стараются активно участвовать во всех антиправительственных манифестациях в Иране. Как сообщает Курдиш Медиа, Национальный конгресс Курдистана (Ирак) обратился к мировому сообществу с призывом воздействовать на иранские власти, чтобы не допустить смертной казни. «В то время как арабы и курды работают совместно над созданием федеративного государства в Ираке, исламский режим в Иране продолжает политику репрессий против всех народов страны, в частности, против курдского населения», — говорится в заявлении. В документе также отмечается, что в марте 2003 г., когда Тегеран посетила комиссия ООН по правам человека, ис-

ламские власти демонстративно казнили трех молодых курдов. Теперь подобная участь ожидает еще троих членов ДПИК¹³. Мировое сообщество откликнулось вяло. Докладом о правах человека за 2003 г., в котором отметило, что курды недовольны тем, что новым губернатором провинции Курдистан назначен шиит и что «постоянным источником многолетнего разочарования курдов является отсутствие общеобразовательных школ на курдском языке». В докладе было также отмечено, со ссылкой на ДПИК, о казнях ее членов в 2001–2002 гг. (6 человек)¹⁴. Иранское руководство не могло обойти вниманием настроения определенных курдских кругов, готовых предложить себя в качестве орудия борьбы с исламским режимом в Иране в обмен на помощь по созданию национального курдского очага на иракской территории, имеющий выход к реке Шатт аль-Араб.

Такая точка зрения была высказана в 13 апреля 2003 г. Ее изложил Горан Новицки в статье «Курды как опора безопасности» («Курдистан Обсервер»). «Во всем регионе, – утверждал он, – только курды и Израиль борются с политическим исламом, угрожающим самому их существованию. Действительность состоит в том, что курдский регион не имеет выхода к морю и его нахождение под властью шиитских или суннитских арабских правителей не может обеспечить долговременную стабильность и безопасность в регионе ни для курдов, ни для США и их союзников... Курды могут играть большую роль в регионе, если те, кто определяет политику в Вашингтоне, убедят их, что они дают курдам минимум, о котором те просят. ... Конечно, можно выдать и дополнительные призы за курдскую поддержку США, реконструировав послевоенные иракские регионы в два курдских и арабских региона с одинаковым доступом к международным водам через водную артерию Шатт аль-Араб. Такое устройство удостоверит, что территория послевоенного иракского государства будет защищена от угрозы со стороны Ирана курдской буферной зоной, которая простирается от Ханекина и Мандали к иракско-иранской границе и Тигру к Басре... Эта стратегия также может дать США гарантию после ухода из Ирака – на случай, если послевоенный опыт даст карты в руки проиранским арабским шиитам, не внесшим вклада в освобождение Ирака и даже противостоявшим американским солдатам под Неджефом. ... Они также хотят избавиться от Саддама, но в то же время распространить свою собствен-

ную гегемонию и революционное правление в регионе. Иранский план состоит в том, чтобы сделать проект освобождения Ирака болотом для США и вынудить США и их союзников оставить Ирак, как это произошло в Ливане, и затем заполнить политический вакуум самим. Тогда они смогут перевернуть послевоенный Ирак и завершить победой битву при Кербеле, которую они начали в ирано-иракскую войну против Саддама... Но давайте спросим наших друзей в Вашингтоне, что они планируют предпринимать после ухода из Ирака? Послевоенная промежуточная администрация – хорошая идея в ближайшей перспективе, но это – временное решение, не способное решить проблему в долгосрочном плане. **Курдистан может стать необходимым и превратиться в якорь для корабля американской политики в регионе, если курдская территория в послевоенном Ираке получит доступ к международному водному пути и Персидскому заливу** (выделено мною – А.Л.). Это – ход, который поможет США не потерять своих позиций в послевоенном Ираке и использовать его как плацдарм для продвижения в Армению и, в конечном счете, в Иран, если усиливающийся союз между Турцией и Ираном станет неразрывным»¹⁵. Американцы, как видим, пока не проявили должного внимания к этой инициативе, но иранцев такая перспектива вряд ли может устроить. Тем более, что такой проект может быть поддержан иранскими курдами, если будет достаточно хорошо профинансирован. К тому же курды разочарованы результатами политики реформ президента Хатами, о чем свидетельствует низкий уровень участия в президентских выборах в 2004 г. в провинции Курдистан был самым низким во всем Иране¹⁶. К чувству разочарования, видимо, добавилось и чувство сопереживания успехам курдов Ирака, которые испытывали радость от открывавшихся перспектив. Последние даже пустили в обращение в марте 2004 г. собственные денежные знаки с курдской символикой, отчеканенные в Швеции. На лицевой стороне монеты изображено «месопотамское солнце», 21 луч которого освещает четыре вершины, символизирующие курдские общины Турции, Ирана, Сирии и Ирака. На монету достоинством 1 тыс. динаров помещен портрет «самого великого лидера курдов всех времен» – Салах ад-Дина верхом на лошади и с курдским знаменем в руках. Этот шаг политического руководства курдов Северного Ирака в соседней Турции не

без основания расценили как продолжение политики по созданию в будущем в регионе независимого курдского государства¹⁷.

Утверждение новой временной конституции Ирака в марте 2004 г., предоставляющей курдам права широкой автономии, отмечалось в Иранском Курдистане как национальный праздник. Однако, поскольку курды Ирана восприняли это и как торжество победы курдов над шиитами, то они устроили демонстрации протеста против шиитского режима в Иране. По данным курдских источников, массовые беспорядки наблюдались в городах Бане, Бокан, Мариван, Мехабад, Пираншахр, Сердешт, Секкез и Сенендедж. Происходили столкновения с силами Корпуса стражей исламской революции (КСИР), нападениям подверглись отделения различных банков, некоторые из них были подожжены. В Мехабаде демонстранты прошествовали к могиле Казн Мухаммеда, чтобы почтить его память¹⁸. В этом же месяце Тегеран получил возможность использовать празднование мусульманского нового года для умиротворения курдов и для новой пропаганды идей их общности с иранцами. На фоне обострения отношений курдов с властями Турции и Сирии, где происходили столкновения курдов с силами безопасности накануне проведения праздничных торжеств, в Иране курды отмечали этот праздник вместе с иранцами в спокойной обстановке. «В то время, как иранцы и курды начали отправляться в праздничные отпуска и готовиться отмечать праздник всей семьей, курды в Сирии отменили торжества по случаю Ноуруза после того, как по меньшей мере 25 человек были биты время недавних беспорядков, а в Турции некоторые курды бросали камни в полицию», - сообщали иранские СМИ¹⁹.

После апреля 2004 г. ситуация в Иранском Курдистане стабилизировалась, что связано с событиями в Ираке, где против американцев выступили общим фронтом суниты и шииты. Верные американцам курды остались в стороне и заняли выжидательную позицию. Им ничего иного не остается делать, как ждать и надеяться на победу своих американских покровителей. Без их поддержки в будущем курдам придется очень сложно восстанавливать отношения со своими историческими соседями, от которых никуда не уйти. А отношения эти осложнились. В Иране это почувствовали на себе некоторые депутаты парламента от Курдистана. В адрес курдских парламентариев стали раздаваться телефонные звонки с угрозами их жиз-

ни и жизни членов их семей. Об этом рассказал в своей речи в парламенте 24 февраля 2004 г. депутат Бахаэддин Адаб).

* * *

А американцы пока больше заинтересованы в Турции и Иране. И потому, видимо, не спешат защищать курдов так, как они на это рассчитывают. Иран достаточно устойчиво развивает отношения с западным миром и даже с США. По данным статистического центра США, в 2003 г. товарооборот между Ираном и Америкой увеличился на 40% по сравнению с 2002 г., сообщает агентство «Фарс». В 2003 г. объем иранского экспорта в Америку достиг 161 млн. долл. В 2002 г. этот показатель равнялся 152 млн. долл. Объем импорта американских товаров в Иран увеличился с 32 млн. долл. в 2002 г. до 99 млн. долл. в 2003 г.; т.е. более чем в три раза²¹. (Цифры небольшие, но главное – перспектива обозначена. К тому же, это только официальные данные.)

Иран поддерживает в целом стабильные отношения и с Турцией как с региональным партнером и союзником, несмотря на периодически возникающие конфликтные ситуации. В середине февраля 2004 г. в Тегеране состоялась встреча Али-Акбара Хашеми Рафсанджани (бывшего президента ИРИ, а ныне главы Совета по целесообразности – высшего арбитражного органа страны) с послом Турции. Во время этой встречи Хашеми Рафсанджани указал на важность регионального сотрудничества между Тегераном и Анкарой в экономике и политике, подчеркнул его влияние на интересы и вопросы национальной безопасности двух стран. Но главное – он сделал заявление, что Исламская республика Иран намерена повысить уровень отношений с Турцией до уровня стратегического сотрудничества²². Иран и Турция активно сотрудничают в вопросе борьбы с курдскими радикалами. Арестовывают и передают друг другу членов запрещенных на их территории курдских организаций. В Иране их, как правило, казнят²³. В этом им практически никто не препятствует. Более того, в начале февраля 2004 г. в Кувейте проходила конференция стран-соседей Ирака, в которой принимали участие министры иностранных дел Исламской Республики Иран, Кувейта, Саудовской Аравии, Иордании, Сирии, Турции, Египта, Бахрейна, а также спецпредставитель генсека ООН по Ираку Ибрахими и главы МИД Ирака Зибари. Основными вопросами на этой встрече стали

проблемы отсутствия безопасности в Ираке, поиски путей искоренения влияния **террористических** организаций в Ираке. Принимая во внимание состав участников конференции, можно предположить, что под террористическими организациями в данном случае подразумевались прежде всего радикальные курдские силы, пытавшиеся нарушить в регионе статус-кво²⁴.

16 февраля 2004 г. министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази подчеркнул, что все участники конференции отметили необходимость передачи всей полноты власти в стране в руки иракцев и вывода оккупационных войск с территории Ирака. 30 июня этого года вся власть в стране должна перейти в руки иракцев, что, однако, зависит как от проведения общеиракских выборов, так и от создания в Ираке законного временного правительства, обладающего конституционными полномочиями²⁵. Иначе говоря, оно должно устраивать не только курдов, но и шиитов.

В самом Иране власти, похоже, не очень беспокоятся по поводу возможных в ближайшем будущем курдских волнений. Более того, им даже удается формировать отдельные воинские подразделения, укомплектованные курдами, и продолжать проведение жесткого курса по отношению к вооруженной оппозиции и непримиримым противникам режима.

¹ Iran Extracts Over 1.5 MLN Tons of Minerals From Kurdistan 25/01/2001 Asia Pulse.

² <http://www.traktora.ru/news, Iran.ru, 11.12.2003>.

³ Курдистанская хроника. Бюллетень № 3, 21–31 августа 2000 г. <http://www.kurdistan.ru/arhiv/2000/31.8.00.htm>

⁴ Abrar (Tehran) 07 Aug 00 p. 1, Khatami's Visit to Kordestan Province 'Manifestation of National Solidarity', www.kurd.org.

⁵ ИРНА 28.02.04.

⁶ Sunni Kurds are like foreigners in Iran. Kurdish Media Mar 23, 2000 by Dr Gurgur Garrusi, Kurdish Meida Analyst.

⁷ Reuters May 2, 1999, Iran seeks Islamic response to Kurdish Question. By Jonathan Lyons.

⁸ KurdishMedia 11 Sept 2000, Komula Party after its 9th Conference.

⁹ ИРНА, 08.03.2003.

¹⁰ Kurdish Media, May 2 2003 <http://www.kurdmedia.com>

¹¹ Kurdish Media, 05/08/2003 KDPI, The killing of two PDKI cadres by the regime's security forces.

¹² 4,000 arrested in Demonstrations in Iran, 28/06/2003 KurdishMedia.com; Iranian security forces occupy the Kurdistan University in Sanandaj 24/06/2003 KurdishMedia.com – By Abdoulmajid Hakki London (KurdishMedia.com); Iranian security forces change university into military base 26/06/2003 KurdishMedia.com -By Abdoulmajid Hakki London.

¹³ <http://www.kurdmedia.com>

¹⁴ Human Rights Watch World Report 2003 <http://www.hrw.ru/wr2k3/mideast3.html>

¹⁵ www.Kurdistan.ru, <http://www.kurdistanobserver.com> 13/04/2003

¹⁶ Kurds Say no to Shiite Dictatorship By: Dr Gurgur Garrusi, Kurdish Canada Foundation, Mar 6, 2004.

¹⁷ ИТАР-ТАСС.23.03.04.

¹⁸ Parriotic demonstrations rock Iranian-occupied Kurdistan 10/03/2004 KurdishMedia.com ; Kurdistan Observer.com, Mar 11, 2004 Kurds Riot in Iran, Dr Gurgur Garrusi – Kurdish Canada Foundation.

¹⁹ Iranians host family gatherings for Now Rouz Tehran, Iran |AP |, KurdishMedia.com, Mar 21, 2004.

²⁰ Kurdistan Observer.com, Mar 6, 2004, Kurds Say no to Shiite Dictatorship By: Dr Gurgur Garrusi, Kurdish Canada Foundation 21. www.Iran.ru 16.02.0422. www.Iran.news 16.02.04, Н.Бабасян, В. Дунаев, «Серый кардинал» иранской политики готов на переговоры с Америкой, Известия, 01.03.2004.

²³ The Execution of two Kurdish political prisoners in Iran, 08/12/2003 KDPI; Iran hands over se Kurdistan Observer.com, Mar 6, 2004, Kurds Say no to Shiite Dictatorship By: Dr Gurgur Garrusi, Kurdish Canada Foundation ven arrested KADEK members to Turkey, 22/11/2003 AFP, TEHRAN, Nov 22.

²⁴ www.Iran.news 16.02.04.

²⁵ www.Iran.news 16.02.04.

ИСЛАМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ КУРДИСТАНЕ

Курды – основное население Курдистана (этнической территории, разделенной между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией), образующие во всех его районах абсолютное или относительное большинство, а также постоянно проживающие в других районах Ближнего Востока и в диаспоре (в СНГ и в странах Запада), как известно, являются народом мусульманского вероисповедания и культуры, за исключением относительно немногочисленных езидов. Поэтому бессмысленно ставить вопрос о месте и роли ислама в современном курдском обществе вообще. Речь может идти конкретно об исламизме, т.е. о политическом исламе как факторе внутривнутриполитической жизни Курдистана и национального движения курдов.

Актуальность такой постановки вопроса оправдывается повсеместно резко возросшей в последние десятилетия агрессивностью исламистов на международной арене, особенно в Западной Азии, где для этого существует благоприятная почва (в первую очередь, не прекращающийся уже более полвека арабо-израильский конфликт). Такие события, как исламская «революция» в Иране, войны, особенности выступления талибов в Афганистане, активизация исламской оппозиции в Пакистане, успехи мусульманских клерикалов в Турции только подливали масло в огонь. Сугубое внимание начали уделять исламисты и Курдистану, надеясь извлечь выгоду из сложившейся в некоторых его районах напряженной ситуации. Словом, не следует пренебрегать опасностью экспансии исламистских сил в страну курдов, их намерением подчинить освободительную борьбу хотя бы части курдского народа своим крайне реакционным антинародным планам. В последнее время на этот счет появился ряд тревожных сигналов.

Ислам имеет в Курдистане давние корни, но вряд ли можно назвать курдов искони мусульманским народом. Процесс их этнической консолидации начался в лоне древнеиранской ци-

визации и культуры еще за 10–12 столетий до появления ислама на исторической арене в VII в. н.э., в том числе и в Курдистане. Арабо-мусульманская экспансия вызвала ожесточенное сопротивление курдов, продолжавшееся до конца IX в. Однако исламизацию курдского общества, формально завершённую к тому времени, нельзя назвать безоговорочной. Еще на ее ранних стадиях возникло стойкое сопротивление как суннитской, так и, тем более, шиитской ортодоксии. Оно не могло открыто противостоять мощной экспансии исламизма, но приняло скрытую форму религиозной оппозиции мусульманскому догматизму в виде различных сект и дервишских орденов, обеспечивавших значительной части курдского населения, по крайней мере, автономную духовную жизнь, относительно независимую от всевластия халифов и аятолл, султанов и шахов. Таковы были популярные в Курдистане суфийские ордена кадири и накшбенди, секта какаи и др.

Одна из этих сект уже в XII в. удалилась от ислама настолько, что образовала исключительно курдский синкретический религиозный культ, сочетавший в себе черты мусульманства, христианства и некоторых древнеиранских верований (зороастризма, манихейства). Его последователи – езиды образовали особую этноконфессиональную общину, у которой с мусульманами взаимно враждебные отношения. В настоящее время езидов насчитывается не более 200 тыс. (менее 1% всего курдского населения), но устойчивость их общины говорит сама за себя.

Все же, за исключением езидов, курды и сейчас остаются мусульманским народом, однако догмы ислама и шариата лишь поверхностно входят в менталитет курдского народа. По словам виднейшего российского курдоведа В.П.Никитина, «...официальный суннизм курдов глубоко противоречил подлинным чаяниям этого народа»¹. «Для курдов, приверженцев ислама», – пишет он далее, – более характерен мистицизм и инакомыслие вообще... Лучшее всего выражает вышесказанное лаконичная турецкая поговорка: «Рядом с неверным и курд мусульманин»².

«Будучи плохими мусульманами»³, курды, однако, часто откликались на такие призывы ислама, которые имели политическую подоплеку. Так было при султанах и шахах, так происходило и в новейшее время. Например, провозглашение джихада в одних случаях находило сочувственные отклики у кур-

дов, когда на их земли вторгались русские или английские войска, в других же случаях курдские племена под знаменем джихада обращали оружие против своих единоверцев из Стамбула и Тегерана, когда с Запада или из России им сулили национальное освобождение. Воздействие ислама на курдское общество определялось не столько идейно-доктринерскими, сколько ситуационно-политическими факторами. Курдская элита, харизматические вожди приобретали свое влияние и авторитет главным образом за счет способности распространить и удержать свою власть над племенами и противостоять постоянному давлению и произволу со стороны правительства, а не только знатностью происхождения от потомков пророка и других основоположников классического ислама, придающей им якобы особую святость. Но, конечно, и родословная при прочих равных условиях, сохраняет свое значение; курдское общество все еще несет зримые черты отсталости и традиционности.

Означает ли сказанное, что мощный напор политического исламизма, который происходит в настоящее время во всем мире, а не только в мусульманских странах, не представляет серьезной угрозы для Курдистана, для курдского национального движения? Конечно, оснований для большой тревоги пока нет. В Курдистане пока не наблюдается наличие таких заметных исламистских движений, которые могли бы претендовать на власть в какой-либо его части. Однако появляются признаки того, что такие движения в ближайшее время могут возникнуть.

На всем периметре курдского региона и в нем самом для этого создана соответствующая почва. На почве арабо-израильского противостояния растут напряженность и терроризм. В Иране исламо-шиитский фундаментализм больше на словах, чем на деле выражает готовность смягчить режим. В Афганистане и Пакистане далеко еще до полного умиротворения экстремистов. В Турции на фоне затяжного политико-экономического кризиса исламистская Партия справедливости и развития второй раз за короткий срок завоевала большинство в парламенте. В Ираке на территории Иракского Курдистана исламисты проводят очередные кровавые вылазки... В обстановке нагнетания обстановки вокруг Ирака не исключено, что там могут быть предприняты попытки новых провокаций.

Итак, и в самом Курдистане, и вокруг него образовалась довольно острая кризисная атмосфера, в которой исламистам было особенно удобно вести свою пропаганду. Им благоприят-

ствовали в некоторых регионах низкий уровень политической культуры масс и глубокое разочарование их провалом прежних методов борьбы. Сказанное в первую очередь относится к Турецкому Курдистану, где потерпела крах стратегия и тактика левозкстремистской Рабочей Партии Курдистана, еще в недавнем прошлом бывшей весьма популярной под руководством сидящего ныне в турецкой тюрьме Абдуллы Оджалана, а ныне переживающей глубокий кризис. На этом фоне успех турецких исламистов (отчасти, благодаря и курдским голосам) на выборах в междис весьма показателен. Активны исламисты и в Иранском Курдистане, где традиционные курдские партии (ДПИК, «Комала») пока не добились заметных успехов.

Вместе с тем, вряд ли стоит говорить о сколько-нибудь значительных достижениях современного исламизма среди курдов. Скорее, речь может идти о первоначальных симптомах, тенденциях и потенциальных угрозах, чем о реальных победах исламизма, особенно в его фундаменталистском облики. Только в Иране сохраняется подходящий климат для этого, но и он встречает растущее противодействие со стороны прогрессивных сил иранского общества, особенно курдов-суннитов. В Ираке и Сирии эксцессы со стороны религиозных экстремистов встречают решительный отпор. Что касается Турции, то победители на последних выборах вряд ли рискнут посягнуть на лаицистские принципы кемализма, определяющие светские устои турецкого государства и традиционно поддерживаемые военным истеблишментом турецкого государства. Любые попытки в этом направлении были бы чреватые очередным государственным переворотом со стороны военных кругов. Нынешние турецкие исламисты, скорее, являются просто консерваторами, которые не пойдут на серьезные системные изменения.

Таким образом, реальной перспективы для исламизации в настоящее время курдского национального движения, особенно в фундаменталистском направлении, можно сказать, не существует. Однако основания для тревоги остаются. Они заключаются в том, что явная активизация исламистов в Курдистане способна причинить немалый политический ущерб этому движению в смысле его внутри- и внешнеполитической ориентации, ослабить силы борцов за национальное самоопределение курдов. Это – такая болезнь, которая при обострении кризисных явлений в обществе и в международных отношениях

может стать опасной. Поэтому борьба даже с отдельными проявлениями агрессивного исламизма остается актуальной задачей всего курдского движения.

Важно подчеркнуть, что борьба в Курдистане должна идти не против ислама, как такового, не против верующих мусульман, а за мусульман, за то, чтобы не дать их увлечь ложными ориентирами. Это – серьезная политическая и просветительская задача, которую предстоит решить всем передовым патриотическим силам курдского национального движения.

¹ Никитин В. Курды, М. 1964, с. 310.

² Там же, с. 318–319.

³ Там же, с. 319.

هه و النامه ی کتیب

ИСЛАМСКИЕ ЭКСТРЕМИСТЫ В СОВРЕМЕННОМ КУРДИСТАНЕ

Рассматривая вопрос об исламском фундаментализме в Курдистане на современном этапе, необходимо коснуться роли этой религии в исторических судьбах курдского народа. Роль ислама в историческом развитии курдского этноса в значительной степени расходится с той ролью, которую он играл в судьбах других больших этносов региона – иранцев, турок, и, тем более, арабов. Особенно для последних, ислам играл судьбоносное, интегрирующее значение, с его весьма внушительным государствообразующими и культурными последствиями. Известно также, что ислам, жестко контролирующий все сферы общественно-политической жизни, был одним из главных факторов жизнедеятельности имперских структур в Иране и Турции. Роль ислама в судьбах курдов имеет свои особенности, и ее оценка требует особого подхода.

Курды, одними из первых подверглись арабо-исламской экспансии в 30-е годы VII в. Историческая литература того периода содержит богатый материал о преимущественно насильственном распространении ислама в стране курдов. Показателен в связи с этим тот факт, что, несмотря на стремительное распространение ислама в Аравии и сопредельных странах, в стране курдов этот процесс затянулся до X в. Завершение объединения Аравии под флагом ислама и начало арабо-исламского экспансионизма следовали друг за другом как два звена одной цепи. Меньше, чем за четверть века образовалась мусульманская империя-халифат, в состав которого вошли целый ряд неарабских народов и стран. Таким образом, практически с самого начала превращения в государственную религию, перед исламом встала проблема создания такого механизма, который посредством совмещения религиозных и светских функций обеспечивал бы управление огромных территорий и разноязычных народов.

Одним из важных рычагов реализации этой идеи стал фактор «уммы», т.н. исламской нации. «Умма» призвана была объединить разные народы и этнические группы на основе их приверженности одной религии – исламу. В отличие от христианства, которое не стирало этнических границ своих приверженцев, идеология ислама провозглашала равенство всех национальных групп, исповедующих ислам и составляющих, таким образом, одну общину. В соответствии с этим постулатом этническое самосознание заменялось идеей о принадлежности к религиозной (исламской) общине. С учетом характера функций, выполняемых исламом, можно говорить о его изначальной политизированности, ибо процесс формирования исламского учения – это, в то же время, процесс его политизации.

Интегрирующая функция ислама играла большую роль в формировании сознания, в основу которого ставилось освящение «равноправности» всех членов уммы. Правящий режим, совмещающий светские и религиозные функции, ревниво насаждал в сознании своих подданных идею, заменяющую этническое самосознание религиозным, понятие мусульманин преподносилось как этническое.

Если на первом этапе распространения ислама этот механизм способствовал объединению различных народов и территорий под началом завоевателей, то в дальнейшем его миссия сводилась к сохранению покорности разных народов-единоверцев господствующему. Важно заметить, что сколько бы умма ни декларировала равенство этнических групп, входящих в ее состав, фактически, ни о каком равноправии не могло быть и речи. Так, в период арабского халифата в рамках уммы осуществлялось господство арабов, в османской империи – турок и т.д. Отсюда вытекает, что интегрирующая функция ислама, умма и дополняющие ее нормы объективно имели неодинаковую значимость для исповедующего ислам господствующего этноса, с одной стороны, и, подчиненного, зависящего единоверца-этноса, – с другой. В первом случае имеет место объективное служение развитию государственности, культуры и др. (пример тому – арабы), во втором случае – свертывание (насколько это возможно) всего национального, самобытного, торможение или запрещение всего того, что могло способствовать развитию на самостоятельной этнической основе (пример – курды). Этот механизм работал на всем про-

тяжени пребывания курдов в составе халифата, персидской и турецкой империй. Исходя из этого, можно говорить о тормозящей роли ислама в процессе развития национального самосознания курдов.

На современном Ближнем и Среднем Востоке наблюдается невиданный прежде подъем национализма, пронизывающий все сферы социальной жизни. В этом процессе все больше возрастает роль ислама, бурная политизация которого, как известно, началась, после исламской революции в Иране. Одно из проявлений этого – так называемый исламизированный национализм, при котором весь комплекс факторов, представляющих национализм преподносится через призму исламской концепции. Следует отметить, что ныне почти повсеместно наблюдается возрастание роли такого национализма в общественно-политической жизни народов и стран, хотя в разных регионах и странах уровень этой активности политического ислама неодинаков. Это явление обусловлено двумя взаимосвязанными факторами.

1. Ислам – наиболее политизированная из всех мировых религий и, как таковая, более масштабно и активно представлена в общественно-политических процессах, особенно острых. «Ислам, – говорил аятолла Хомейни, – политическая религия, обладающая властью. В исламе не меньше политических предписаний, чем религиозных»¹. По мнению другого исламского богослова Мухаммеда Насима Махди, «исламская религия в своих основных положениях призывает верующих создавать политические структуры ... Многие говорят, что политика должна быть отделена от религии. Для ислама это означает расщепление его мечом на несколько частей. Неполитический ислам – мертв и неподвижен». Политизированность ислама не оставалась незамеченной специалистами уже давно. Любопытно, в этой связи, мнение русского исламоведа Петра Цветкова, высказанное им еще в 1912 г.: «Ислам при помощи меча сделался великой политической верой, сплотившей Восток в одно, по-видимому, однородное целое, способное даже бороться с христианством за владение миром»².

2. Наибольшее количество острейших межгосударственных и межнациональных нерешенных проблем приходится на долю регионов и стран мира, где господствующей религией является ислам. Последний своими известными корпоратив-

ными и регулятивными функциями востребован для реализации политических целей.

Политизированность ислама и активизация исламского фактора на современном этапе обусловлены целым рядом предпосылок. Очевидно, что одним из факторов активизации исламизма и тесно связанного с ним исламского экстремизма является подъем волны национализма и обострение межнациональных отношений в глобальных масштабах. Это значительным образом связано с распадом колониализма и последовавшим за ним обострением отношений между бывшими колониями и зависимыми странами, с одной стороны, и метрополиями, с другой. В основе этого явления лежит углубляющаяся пропасть между двумя вышеуказанными группами стран. Вопреки бытовавшим в начале 60-х годов мнениям о сокращении и ликвидации со временем разрыва между уровнями развития бывших зависимых стран и метрополии, эта пропасть не только не была преодолена, но еще больше углубилась. Политизированный ислам получил благоприятную почву для противопоставления исламского мира христианскому. Примечательно, что эта миссия исламизма в ряде случаев прямо или косвенно стимулировалась также правящими кругами некоторых стран третьего мира, как средство отвода ответственности за их провальные политические курсы постколониального периода.

Противостояние целого ряда мусульманских стран Западу приобрело настолько сложный и острый характер, что ряд его проявлений дал основание для скоропалительных заключений о войне цивилизаций (Самюэль Хантингтон). Есть основания утверждать, что распад СССР стал новым отправным пунктом для нарастания волны крайнего национализма и тесно связанного с ним исламизма на пространстве бывшего союзного государства и вне его. Другой аспект рассматриваемого вопроса касается кризиса и краха идей марксизма и социализма в странах третьего мира. Известно, что с начала 60-х годов прошлого века в странах «третьего мира» имело место значительное распространение просоциалистических и промарксистских идей. В общественно-политической жизни общества они занимали заметное место, а их приверженцы – важнейшие посты в постколониальных госструктурах. После краха социалистической системы и начавшегося кризиса образовался значительный общественно-политический вакуум. Воспользовавшись этим и благодаря своим традиционно действенным корпора-

тивным и регулятивным функциям, ислам в значительной степени восполнил этот пробел. В этих глобальных процессах религиозный фактор активизировался повсеместно и, таким образом, имела место его резкая политизация. Получилось так, что исламский фактор присутствовал во всех сферах общественно-политической жизни.

Из сказанного нетрудно заключить, что развивающееся в центре мусульманского Востока курдское национальное движение не могло не стать объектом пристального внимания исламских структур. Оговоримся, что тут речь не идет о роли ислама как религии в судьбах человечества вне рамок тех фундаментальных оценок, которые касаются и других мировых религий. Вопрос касается специфики ислама на современном этапе, выражающейся в его очевидной пассионарности и ренессансе, что серьезно влияет на общественно-политическую жизнь исламского мира³.

Активизация исламизма в Курдистане связана, прежде всего, с теми судьбоносными событиями, которые происходят в последнее десятилетие. Как известно, с начала 90-х годов прошлого века борьба курдов за автономию в Ираке вступила в новый этап развития. Процесс автономизации Южного (Иракского) Курдистана приобретал тенденцию необратимости. Вследствие чего эта часть Курдистана стала предметом пристального внимания мирового сообщества. Как таковая, она не могла оставаться вне внимания политического ислама. Напомним, что парадигма ценностей ислама оказывает большое влияние на формирование общественных, экономических и политических структур. Любые призывы (даава) исламистов, «несмотря на религиозную внешнюю оболочку, глубоко политизированы»⁴. Курдским массам, подвергшимся социально-экономическому и национальному давлению, исламисты предлагают доходчивую, простую идею: все народы, исповедующие ислам, – братья, их объединяет исламская умма. Все существующие проблемы можно и нужно решать в соответствии с канонами шариата. Исходящая от исламизма опасность для курдского национального движения заключается не только в том, что находящиеся под влиянием догматов шариата курды отвлекаются от борьбы за свои национальные и социальные права, но и в том, что ортодоксальный исламизм служит разъ-

единению народа, значительная часть которого исповедует какаизм*, али-илахизм, езидизм, христианство и др.

Резко отрицательное отношение исламистов к политике курдских национальных властей, направленной на другие конфессии, имеет неслучайный характер. Так, курды-езиды и езидизм перестали преследоваться и подвергаться дискриминации. В условиях подъема национального самосознания курдов и свободы вероисповедания в Иракском Курдистане особую значимость приобретает понимание, что езидизм – подлинно курдская религия доисламского периода. Лалеш – святилище езидов – часто посещают и курды-мусульмане. В школах региона наряду с преподаванием ислама изучаются и основы езидизма. Терпимость проявляется и к по отношению к другим конфессиям Курдистана, что несовместимо с установками исламистов. Цели и задачи исламистов в Курдистане на современном этапе условно можно отнести к двум направлениям:

А) в общекурдском плане усилия исламистов направлены на то, чтобы набирающее силу курдское национальное движение удержать в фарватере исламистских установок, отвести внимание от национально-демократических прав курдов, сохранить «статус-кво», и тем самым, освятить постулат исламской уммы, формально объявившей равноправие народов, исповедующих ислам, при фактическом отрицании права курдов на национальное самоопределение;

Б) в Южном Курдистане – аванпосте курдского национального движения – не допустить развитие процесса автономизации. Для достижения этой цели используется целый ряд форм и методов борьбы – религиозные, межнациональные распри и, наконец, террор. Жертвами последнего теракта в столице автономного курдского района Эрбиле в конце января 2004 г. стали десятки людей, в том числе ряд представителей курдской элиты.

Для распространения влияния исламистов в Курдистане используются различные формы и методы. Эту миссию выполняют исламистские журналы и газеты, телеканалы, пропагандирующие идеи исламизма, новые мечети, строительство значительной части которых ведется за счет средств иностранных

* Курды – «какаи» не приняли ислам и исповедуют особую веру – «какаизм».

государств и организаций, а также исламские благотворительные организации, исламские военизированные базы и плацдармы (например, в районе Халабджи). Становятся достоянием гласности сообщения о том, что в ряде случаев «Аль-Каида» осуществляла финансовую поддержку исламистов именно через «исламские благотворительные организации», такие как «Аль-Акса» (Германия), «Организация международной исламской помощи» (ОМИП, Великобритания), «Святая Земля» (США) и др. По заявлению Абу Анзора, мусульманского экстремиста с Филиппин, манильское отделение ОМИП было создано бен Ладеном, как прикрытия для террористических групп. Наконец, распространителями исламизма являются исламские партии и организации в Курдистане. Во всех программных документах исламских партий и организаций в Курдистане безальтернативным средством решения острых проблем курдского общества объявляются догматы шариата. Причем, одним из ключевых рычагов исламистов для обработки умонастроений курдов является так называемая альтернативная идентичность, когда курдам внушают идею самоидентификации не с курдским этносом, с его этнокультурными и историческими традициями, а с исламской уммой, т.е. с «глобальным исламским сообществом»⁶. По мнению идеологов исламизма, все приверженцы ислама, независимо от их языка, местожительства, экономических и иных связей, составляют единую нацию. «Национальный вопрос, – писал один из исламских богословов, – по современной терминологии отсутствует в учении ислама. По этому учению религия и нация тождественны. Перед учением ислама есть один единственный международный исламиат, существует лишь братство и единство всех национальностей под флагом ислама»⁷. Являясь безальтернативным средством формирования умонастроений верующих курдов, исламский фактор нередко обеспечивал использование сил курдов для целей, не совпадающих с интересами Курдистана.

Для определения роли исламизма в судьбах курдов на современном этапе представляет интерес сравнительный анализ борьбы курдского народа, с одной стороны, и других народов, исповедующих ислам, с другой. Хорошо известно, что, как правило, исламские государства и особенно международные исламские организации в той или иной форме в разных размерах оказывают поддержку находящимся в конфликтах с централь-

ными властями народам, исповедующим ислам. И это независимо от того, какой характер носят эти движения: автономистский, сепаратистский, ирредентистский, протестный и др. Напомним в качестве примеров Эритрею, Косово, Чечню, Боснию-Герцеговину, исламское движение «Абу Сайяф» на Филиппинах и др. Эта помощь осуществляется в виде финансовой поддержки, поставок оружия, подготовки военных кадров, отправки в зону конфликтов моджахедов и др. Единственный народ, исповедующий ислам, но находящийся вне рамок этой «исламской солидарности» являются курды.

Причина этого исключения из правил имеет вполне конкретный светский характер. «Исламская поддержка», «исламская солидарность» по отношению к борющимся за национальное освобождение курдам перестают функционировать потому, что в данном случае национально-государственные интересы трех государствообразующих этносов региона – арабов, турок и персов – находятся в длительной и острой конфронтации с интересами четвертого по величине этноса Ближнего и Среднего Востока – курдов. Иначе говоря, имеет место столкновение национально-этнических интересов вышеназванных этносов, с одной стороны, и курдов, с другой. В данной ситуации исламский фактор играет не религиозную, а вполне политическую роль. Здесь мы имеем яркий пример того, как так называемая исламская солидарность выступает в виде политизированного явления, в рамках которого разыгрываются карты интересов определенных государств, в основном восточных, а в некоторых случаях и западных. Довольно заметно формируется целенаправленный и политически ориентированный план с религиозной оболочкой. Исламизация упомянутых выше движений происходит неодинаково и не сразу. Хорошо известно, что, например, имевшие место движения в Чечне, Косово и других регионах первоначально не проходили под знаменем исламизма. Исламизация произошла позже. И, судя по всему, не потому, что в самих этих регионах имело место усиление религиозности населения. В действительности, эволюция исламизации этих движений произошла на базе факторов вполне политического характера, когда были приведены в действие государственные, геополитические планы ряда государств мусульманского Востока, которыми воспользовался и Запад.

В Курдистане исламский фактор в плане рассматриваемого вопроса имеет совершенно другую функцию и проявление

как по форме, так и, тем более по содержанию. Цели и задачи курдского национального движения не совпадают с планами исламистов, что и определяет характер их взаимоотношений. Обращает внимание, что все, что делается исламскими организациями в Южном Курдистане, да и в других частях разделенного Курдистана, получает одобрение и поддержку не только теократических режимов, но также и светских государств Ближнего и Среднего Востока. Ибо, главное для них не методы этой борьбы, а реализация мер, направленных против развития курдского национального движения. Связь исламистских партий и организаций в Курдистане с международными исламскими организациями подтверждается как фактами материальной поддержки, оказываемой курдским исламистам, так и, тем более, основополагающими положениями программных установок исламистских организаций в Курдистане. Начало активизации исламского фактора в курдской общественной жизни и появление организаций исламского толка относятся к началу 80-х годов, т.е. к периоду после исламской революции в Иране. Из появившихся в Курдистане исламских организаций более или менее известны «Исламская партия Курдистана» (ИПК), «Движение курдов мусульман-фейли» «Хезбаллах», «Школа Корана», «Джунуд аль-ислам», «Мусульманское братство», «Курдское исламское движение», «Силы Саурана», «Аттаухид», «Ансар аль-ислам». Как правило, состав этих организаций не носит массового характера. Однако их влияние и воздействие на общественно-политическую жизнь заметно. Это обстоятельство связано с тем, что, как правило, у этих организаций довольно значительные финансовые и материальные возможности, получаемые в подавляющем большинстве случаев извне, и их деятельность спонсируется некоторыми государствами (Ираном, Саудовской Аравией, Ливией, ОАЭ и др.). О целях и направлениях деятельности этих организаций свидетельствуют их программные документы. Все они, как правило, проникнуты идеей общности интересов народов, исповедующих ислам. Эта «общность» берет начало в основе основ суверенитета народа – в отчизне. Сформулированный в таком духе 8-й пункт программы «Исламской Партии Курдистана» гласит: «Курдистан является частью исламской отчизны, где проживает курдский народ» (статья 1-я). И, далее: «Исламская Партия Курдистана является частью международного исламского движения» (статья 2-я)⁸.

С точки зрения рассматриваемого вопроса, представляет интерес позиция исламистов по отношению к процессам образования национальных госструктур и демократических преобразований в Иракском Курдистане. Они выступают против всего того, что выходит за рамки шариатской догматики. На мотивы выступления исламистов против демократических преобразований в Южном Курдистане проливает свет следующий пункт программы вышеназванной партии. «Всякие советы и решения ИПК, если они противоречат Корану, сунне, считаются недействительными и не заслуживают доверия.»⁹ А далее следует предписание о том, что нужно «запрещать действия, которые противоречат закону шариата»¹⁰. О том, какую опасность представляет для курдского национального движения международный исламизм, свидетельствует 8 статья программы ИПК: «Исламское правительство Курдистана вместе с другими правительствами исламских наций могут составить государство объединенных исламских наций»¹¹. Нетрудно заметить, что предполагаемое «объединенное государство исламских наций» противоречит национальным интересам курдов. Ибо, во-первых, основанное на законах шариата гособразование исключает общедемократические принципы обустройства общества и создание суверенных национальных госструктур, и, во-вторых, опыт нахождения курдов в исламских государствах в рамках «исламской уммы» в историческом прошлом и в настоящее время красноречиво показывает, что фактор «исламского единства» был важным фактором сдерживания процесса самоопределения курдов.

В свете сказанного, не случайно, что ударным фронтом действий исламистов в Курдистане избрана его южная часть, т.е. Иракский Курдистан. Причина ясна: именно он является аванпостом курдского национального движения. Происходящие в этой части Курдистана демократические преобразования и значительные успехи на пути создания гражданского общества являются предметом большого беспокойства антикурдских сил. Исламисты решительно выступают против этих процессов. Типичный отрывок из обращения организации «Джунуд аль-ислам» («Воины ислама») к курдам (01.09.2001 г.): «Ваши братья-мусульмане уже долгие годы заняты подготовкой священной войны для нравственного и духовного очищения области» (Курдистана – *Ш.М.*)¹². Объявленная исламистами война против деятельности ДПК, ПСК и других демократических партий и

национальных госструктур в Южном Курдистане оправдывается тем, что «исламу и исламским ценностям грозит опасность, что обязывает всех людей исповедующих ислам, сплотится под знаменем священной войны против богохульства и врагов ислама»¹³. Далее в этом воззвании говорится о том, что люди должны понять, что область (Курдистан – *Ш.М.*) нуждается в сохранении и защите чистоты ислама. Мы должны начать жестокую священную войну против богохульства, насаждаемого политическими, социальными и культурными учреждениями, которые стремятся поработить мусульман Курдистана, и с их помощью нечистые евреи и христиане пытаются разрушить основы ислама в Курдистане¹⁴. Экстремистские исламские организации в Курдистане – «Мусульманское братство», «Курдское исламское движение», «Силы Саурана», «Ат-Таухид» и другие – террористическую деятельность сочетают с пропагандой исламского фундаментализма. Для выполнения этой миссии они помогают друг другу и получают помощь извне. Имеются сведения о получении «Джунуд аль-ислам» 600 тыс. долл. от бенладеновской «Аль-Каиды».

Исламисты открыто борются против не только ведущих партий Иракского Курдистана, но и против тех исламских организаций, которые не разделяют их цели и тактику борьбы. В автономном курдском регионе созданы полномасштабные условия для обеспечения религиозно-духовных потребностей населения. Исламистов и их опекунов не устраивает национальное самоопределение курдов, приоритетность национально-этнического фактора в этом процессе. Они не признают правомерность национально-государственных структур в Иракском Курдистане. В этом вопросе они находились в одной упряжке не только с бывшим багдадским режимом Саддама Хусейна и его спецслужбами, но и с соседними государствами, выступающими против автономии курдов в Ираке. В полном соответствии с этим в некоторых районах, временно контролируемых исламистами, был установлен жесткий шариатский правопорядок. Все посмевавшие ослушаться строго наказывались в соответствии с законами шариата. В феврале 2001 г. в Эрбиле ими был убит один из влиятельных деятелей ДПК ассириец-христианин Франсуа Харири, а также известный курдский писатель, автор книги «Люди и Коран», организованы взрывы у офиса Гуманитарной программы ООН, многократно устраивались диверсии на промышленных объектах, обезглав-

лены 25 курдских пешмерга, организовано покушение на жизнь одного из руководителей ПСК Бахрама Салеха и т.д. Террористы «Ансар аль-ислам» вероломно убили депутата курдского парламента Шавката Мушира. Связь исламских фундаменталистов в Курдистане с бен Ладеном подтверждается многими фактами. Так, издаваемая в Лондоне арабская газета «Аз-Заман», недавно опубликовала сообщение о связях высокопоставленного чиновника иракского мухабарата (охранки) Фарука Хиджази с бен Ладеном с целью координации борьбы против курдов¹⁵.

Замечено, что одним из условий, порождающих исламский экстремизм, является нерешенность, тем более, хронический характер социально-экономических и национально-политических проблем, кризисные ситуации в жизни общества. Так, активизация деятельности исламистов и некоторый рост их влияния относятся к середине 90-х годов, что было связано с непопулярным в народе вооруженным конфликтом между ДПК и ПСК, а также тяжелым социально-экономическим положением широких слоев населения.

Характерно, что в дальнейшем, по мере преодоления конфликта между ДПК и ПСК и налаживания совместных усилий по решению проблем единства курдских национально-демократических сил, заметного улучшения социально-экономического положения народа, успехов в образовательной, культурной областях – влияние исламистов ослабло. Наглядным показателем этого процесса стали муниципальные выборы в Южном Курдистане, при которых в середине 90-х годов исламисты получили до 18% голосов, а уже во время тех же выборов в 2000–2001 гг. этот процент снизился до 3%. Следует отметить, что для исламистов представительство в выборных органах власти является всего лишь одним, и далеко не решающим, рычагом воздействия на политическую жизнь в курдском регионе. Как радикально-экстремистская сила, исламисты делали и будут делать ставку на свои традиционные формы и методы борьбы. В противостоянии исламистам ДПК и ПСК в известной степени скованы так называемой корректностью: с одной стороны, они видят эти источники опасности, с другой, в некоторых случаях от решительных мер против вышеназванных сил их сдерживает проблема сохранения нормальных отношений с Ираном, Сирией, да и с Турцией, и Ли-

вией, каждая из которых имеет отношения с этими организациями.

Автономия Южного Курдистана в проектируемом Федеративном государстве Ирак – первая попытка решения национального вопроса такого уровня на всем мусульманском Востоке. В связи с этим следует подчеркнуть, что различного рода силы (как светские, так и религиозные) беспокоит не столько автономизация Южного Курдистана, ставшая уже свершившимся фактом, сколько ее последствия для региона, где сохраняется масса нерешенных национальных проблем. Неслучайно, наиболее активно против этого процесса выступает и действует Турция, где острейшим образом стоит курдская проблема. На этой основе имеет место поддержка экстремистов в Южном Курдистане со стороны не только турецких исламистов, но и госсструктур.

Другой фактор для беспокойства исламистов связан с тем, что пример Южного Курдистана может оказаться нежелательным прецедентом на мусульманском Востоке, где традиционно исламский фактор ставился выше национального, и на этой основе пока удавалось сдерживать возникновение новых проблем на этнической почве.

Каковы перспективы роли исламского фактора в Курдистане вообще и в южной его части, в особенности? Анализ и учет факторов, о которых шла речь, дает основание считать, что трудно полностью избавиться от угрозы исламского фундаментализма и экстремизма. Тому есть ряд причин, главные из которых – хронический характер нерешенных как социально-экономических, так и национально-политических проблем – благоприятнейшая почва для исламского экстремизма.

Есть ряд факторов противоположного характера, которые дают право ставить под вопрос возможность исламизации общественно-политической жизни в Курдистане. К такому выводу склоняет прошлое и современное курдского социума, который, по общему признанию специалистов, не отличается религиозностью, и, тем более, фанатизмом. И еще, историческое прошлое не дает материала о положительной роли исламского фактора в эволюции борьбы курдов за национальное самоопределение. Наконец, важно обратить внимание на то, что, несмотря на рост роли исламского фактора, его различные проявления и происки, попытки создания общеполитических госсструктур на основе законов и догм шариата потерпели и

терпят неудачу (Афганистан, эволюция иранского теократического режима и др.). Показательно, что в Иране и ряде арабских стран реформаторские настроения исламского духовенства превращаются в серьезную силу, которой противостоит экстремистская и консервативная часть ислама.

Имевшие место важные социально-экономические и политические преобразования в Южном Курдистане, заложение основ гражданского общества являются одним из важнейших условий, исключающих утверждение в этом регионе исламского радикализма в его различных проявлениях.

¹ Леонид Шебаршин. Ислам (см. «Общая газета» 30.06., 6.12.2000 г.)

² П.Цветков. Джихад в Коране и в жизни, С.-Петербург, 1912 г., с. 19.

³ А.Коровиков. Исламский экстремизм в арабских странах, М., 1990 г., с. 30.

⁴ J.P.Piscatori. Islam in the political process, Cambridge, 1983, с. 13.

⁵ Известия, 08.08.2002.

⁶ Х.Аршаруни, З.Габидуллин. Очерк панисламизма и пантюркизма в России, М., 1931, с. 5.

⁷ См. Об исламской «умме» М.Пиотровский, Пророческое движение в Аравии в VII веке (Сб. «Ислам, религия, общество, государство») М., 198.

⁸ Программа исламской партии Курдистана (см. М.Гасратян, «Курдская проблема в Турции», М., 2001г., с. 207–208).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Специальное заявление Патриотического Союза Курдистана (ПСК), 19.09.2001 г. о деятельности «Джунуд аль-ислам», с. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

М.С.Лазарев КУРДСКИЙ ВОПРОС В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ	3
Ш.Х.Мгои КУРДСКИЙ ФАКТОР (Современное состояние и перспективы)	16
Хошави Бабакр КУРДИСТАН: ПЕРСПЕКТИВЫ КУРДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	35
К.В.Вертяев К ИСТОРИИ КУРДСКОГО ВОПРОСА В ТУРЦИИ	75
Е.В.Загорнова РАБОЧАЯ ПАРТИЯ КУРДИСТАНА В 80–90-х ГОДАХ XX в.	99
О.И.Жигалина КУРДСКИЙ ВОПРОС В ИРАНЕ	118
А.К.Лукоянов КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА В ИРИ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕЖИМА САДДАМА ХУСЕЙНА	131
М.С.Лазарев ИСЛАМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ КУРДИСТАНЕ	150
Ш.Х.Мгои ИСЛАМСКИЕ ЭКСТРЕМИСТЫ В СОВРЕМЕННОМ КУРДИСТАНЕ	157